

Геннадий
Старостенко

НА ЧЕРНОЙ РЕКЕ

Геннадий Старостенко

На Черной реке

«ИТРК»

2014

Старостенко Г. В.

На Черной реке / Г. В. Старостенко — «ИТРК», 2014

Автор в романе «На Черной реке» рассказывает читателю о трудных условиях и событиях в организации производства в нефтяной компании «Дельтанефть», о неординарных, сложных производственных отношениях между ее сотрудниками. В их поступках проявляются люди, способные находить выходы из самых различных ситуаций не брезгуя для этого никакими средствами, и сильные личности с твердым волевым характером. В романе ярко показано, что действиями руководителей компаний в целях личного обогащения и сама нефть и большая часть доходов от нее утекают за границу, а не используются фактически для развития отрасли и улучшения жизни народа России.

© Старостенко Г. В., 2014

© ИТРК, 2014

Содержание

Глава первая	6
1. Усинск	8
2. Москва	12
3. Толва	17
4. В полете	22
5. Падинское	27
6. Толва	31
7. Майорка	35
8. Толва	39
9. Москва	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Геннадий Старостенко

На Черной реке

Нефть – это наше все.
(Из высказываний нефтяного олигарха).

© Старостенко Г.В., 2014

© Издательство ИТРК, 2014

Глава первая

Несчастный случай со смертельным исходом на Толвинской базе. Хронология событий. Толвинская база.

(Из протокола, записано со слов А. Тушиной)

19.55 пятница 30 марта

Доктор «СеверНАОгеофизики» Анна Тушина находилась на втором этаже вахты, в которой расположен медпункт, когда ее вызвал по связи диспетчер и сообщил, что ей необходимо спуститься в медпункт для оказания медицинской помощи.

20.00

Трое мужчин – Егор Малицын, Мирон Малицын (родные братья) и Николай Малицын (их двоюродный брат) прибыли в медпункт на снегоходе, доставив еще одного – тридцатилетнего Михаила Малицына (третьего брата). Михаил был без сознания (в коматозном состоянии) – по их словам, по причине употребления слишком большого количества водки. Трое братьев и их двоюродный брат были из ближайшего ненецкого чума – в 30 километрах к северо-западу от Толвы. На вопросы доктора пояснили, что Михаил пил водку постоянно с января и в течение этого времени не работал. Также сказали, что время от времени пили вместе с Михаилом, а последний раз выпили вместе полтора дня назад, утром 29-го марта. По их словам, у Михаила началась «белая горячка» еще за неделю до этого, и между выпивками у него случались галлюцинации. Доктор поставила диагноз на основе этих фактов, а также того обстоятельства, что все они, видимо, в последнее время много пили. Исходя из этого она и оказывала больному соответствующую медицинскую помощь, но, к сожалению, он так и не пришел в сознание.

20.15

Доктор Тушина констатировала смерть Михаила Малицына. Вскоре по прибытии в медпункт этих людей туда же прибыл и председатель колхоза по имени Архип. Доктор попросила его связаться с милицией. Архип вышел и спустя четверть часа вернулся с участковым уполномоченным, который опросил всех присутствующих о случившемся.

20.50

Уполномоченный и остальные уехали, забрав с собой тело покойного. Доктор Тушина попыталась связаться с доктором Сергеем Фомичевым с базы ДЕЛЬТАНЕФТИ в Арьегане, с тем чтобы проинформировать его о ситуации. Мужской голос ответил, что дежурный фельдшер находится на вызове.

00.20 суббота 31 марта

Мирон Малицын доставлен бригадиром оленеводов Геннадием в сопровождении еще одного оленевода (имя неизвестно). Мирон был в сознании, но жаловался на резкую боль в сердце и удушие. Он сказал, что не так давно пил с остальными. Доктор Тушина сняла боль, и, почувствовав облегчение, он сказал, что хочет вернуться – чтобы позаботиться о покойном брате Михаиле. Во время оказания медицинской помощи доктор пыталась связаться с Арьеганом, но фельдшер по-прежнему был на вызове. Также не удалось связаться и с доктором Фомичевым.

00.40

Мирон Малицын уехал вместе с бригадиром и другим оленеводом.

04.30

Геннадий, бригадир оленеводов, доставил в медпункт Николая Малицына. Николай жаловался на сильную головную боль и попросил доктора измерить кровяное давление. Доктор замерила давление и сказала, что оно в норме.

05.00

Николай Малицын и бригадир покинули медпункт.

08.15

На Толвинской базе кто-то сообщил доктору Тушиной, что местные везут еще одного больного (на этот раз им оказался Егор Малицын) на снегоходе в медпункт КОМИНЕФТИ на Харьяге на прием к врачу. Толвинскому доктору удалось связаться с доктором компании ТОТАЛЬ на Харьяге и проинформировать его о случившемся накануне ночью. Она сказала, что потребуется его присутствие для оказания помощи в медпункте КОМИНЕФТИ. Туда же отправилась и сама – с целью оказания содействия, в случае если это будет необходимо. К ее прибытию Егор Малицын был уже мертв.

Примечание:

Доктор Анна Тушина просила отметить, что если бы ее проинформировали о предыдущих подобных происшествиях со смертельным исходом в Ижме, она могла бы подготовиться к тому, чтобы оказать этим людям эффективную помощь. Представляется необходимым наладить надежную связь с медицинским персоналом на удаленных объектах...

1. Усинск

Если позволяла оперативная обстановка, после обеда Валерий Харлампида устраивал себе сиесту. Откидывался в кресле, разворачивался к окну, а ноги клал на батарею. Уши забивал вертолетными берушами, связанными шнурком, как детские варежки. Ровно на десять минут.

Через десять минут он открывал глаза и, не меняя позы, еще минуту вглядывался в потолок. Этого хватало, чтобы распахнуть по извилинам приоритеты второй половины дня.

В эти одиннадцать минут его не беспокоили ни подчиненные, ни начальники отделов и служб – равные ему по статусу в компании. Только вызов или звонок генерального директора или его зама, технического, могли прервать их течение.

Грек знал, что слывет оригиналом и что ему оно прощается. А про себя думал: *да нет же, какой я оригинал, просто те, кто так считает, вообще лишены воображения и собственного достоинства, продукт рутины и банальностей. Такие, впрочем, здесь и нужны, ведь за окном заполярье.*

Сегодня его лишил послеобеденной дремы звонок с Падинского месторождения, просвербивший беруши. Звонили с 21-й скважины, которая никак не хотела расконсервироваться, устраивая один сюрприз за другим.

– Валерий, там какая-то дрянь... с глубины тысяча девятьсот двадцать и ниже... Ни черта не поймем что...

Говорил Михаил Дерюжный, представитель подрядчика по КРС – капитальному ремонту скважин. Грек на дух не переносил этого типа, мелкого и мелочного во всем – и в мыслях, и в манерах, но вынужден был как-то ладить с ним с того времени, когда гендиректором ДЕЛЬТАНЕФТИ поставили Нила Тихарева.

Все западные компании давно уже берут все внаем – и геофизику, и геологию, и буровиков, да и добычников вслед за прочими. Оставляют голый управленческий офис, а остальное тянут с рынка. В общем «веление времени».

Что у Тихарева стояло за словами «веление времени», Валерию Харлампида, или Греку, как его всяк именовал в компании, было хорошо известно. У Тихарева тоже было прозвище – Откат, но побаивались и за глаза называть. Эта «кликуха» многое объясняла в его действиях, принципах и чертах характера.

– Так мы и через месяц ее не запустим, ребята, с вами... – Грек смотрел в офисное окно – в линию снежного горизонта, за которым был Арьяган, была Толва и стужа в минус сорок. – Ладно, завтра стоняю на Верхнеужорское, а по дороге к вам залечу. А сейчас спускайте фрезу и обуривайте. Только аккуратно. Обсадную колонну хватанете – беды не оберемся. (Речь шла о трубе, что отделяет ствол скважины от породы и в которой размещают внутрискважинное оборудование).

Хороши подрядчики – шагу без подсказки не сделают... Фирма, которую Тихарев взял на контракт по бурению два года назад, называлась АРБУР. Аббревиатура от слов Арьяган и «бурение». Греку нравились оба эти слова, но только не спаянные в бессмыслицу их обрубки.

Заполярный Арьяган стал ему родным в последние десять лет. Побратимами бывают города и села, а бывают места и люди. Это когда человеческая судьба встает вровень с географией. А бурение давно стало его профессией и частью судьбы. От нее уже никуда не деться.

– А еще что нового? – спросил Харлампида.

Пауза, потом прожеванное с мычанием «ничего», потом что-то и того нечленораздельнее...

– Чао. Конец связи.

Грек первый положил трубку. Этот Дерюжный еще минут пять тянул бы жилу и еще столько бы разводил бодягу. Жаловался бы на нехватку запчастей, горючки, на жизнь, – ныл бы и ныл без проблеска оптимизма. И не сказал бы главного...

Улучив момент, когда у соседей в отделе добычи образовалось затишье (в это время у них не так остервенело хлопали дверью), Грек заглянул к Андрею Погосову.

– Привет, начальник нефти, есть новости?

– Угу. Грустные. – Погосов не отрывал взгляд от монитора.

– Сколько?

Безнадежно увязший в мониторе, Погосов выкинул четыре пальца:

– И это не все. Еще два трупа на Ижме.

– Что-то многовато...

– Не вру. – Погосов окинул вошедшего пустым после монитора взглядом. – Ну, у тебя и прикид, Грека. Опять в кабак со своими инглезе...

Костюм на Харлампиди сидел и в самом деле шикарно. Но стоил дешевле, чем оценивали сослуживцы. Просто на нем все всегда хорошо сидело, иной раз даже и плохо скроенное.

Сегодня он одел темно-серую пару с синим отливом.

– Это беспредел, Харлампиди. – Приставала к нему с утра Вера Палеес, инженер-разработчик из Москвы. – Так шикарно на работе может выглядеть только директор. Работа – это не подиум.

– А отливает-то... отливает-то как! – просвиристел бежавший куда-то по коридору зам главного геолога Костя Вятский. – Прямо мерцает весь... прямо лабрадорит...

– Не вру, – повторил Погосов. – Вон, Татьяна говорила с доктором...

– И что? Метилен? – Харлампиди обратил вопрос к Татьяне, «рабочей лошади» в отделе у Погосова. Она была девой крупной – «собой великовата» (по ее же выражению), но удачно замужем и «по себе не унывала» – говорила еще, что «энергетический донор».

– Не знаю. Вы же сами всегда говорите, Валерий Петрович, – вскрытие покажет. Каждый день говорите.

Назвать по имени-отчеству ровесника, с которым давно уже «на ты», было доступной для нее формой флирта. В Татьяне было плохо то, что на ее природном лукавстве и биологическом жизнелюбии провидение не удосужилось поставить надежного регулятора в форме фонтанной задвижки или штуцера. Татьяна могла смеяться там, где другие плакали, и там, где смеяться вообще неприлично.

– Так он же о своем говорит. Он пласты вскрывает. Он же не патологоанатом. Люди же погибли. – Осадил ее шеф.

– Люди? – изумилась Татьяна. – Это вы о ненцах-то? Хороши люди... ага... для меня люди – кто непьющий. Вот он человек... Валерий Петрович, например, хи-хи.

– Я пьющий, но не пьянеющий, Тань...

– Эх, Татьяна, не дошлепали тебя в детстве. – Погосов поднялся с кресла, но возмущение его было мнимое – скорее политкорректное, чем от сердца. Ему просто захотелось размять застывшие члены, взмахнуть большими руками, как птице, поднимающейся с гнезда. Он сделал несколько боксерских пассов в сторону Татьяны, что значило – а ну-ка быстро за дело. Та фыркнула и принялась за работу, которой здесь было вечно невпроворот.

– Пойдем к тебе, поговорим серьезно, – шепнул Андрей, толкая плечом дверь – руки в карманах, сутулясь. – А то эта сорока на хвосте разнесет. Какие думки? А что на двадцать первой разведочной? Она же в десяти верстах всего от этого чума? Когда те ненцы занедужили и стали друг друга к доктору на Толву таскать, они же мимо нее их возили...

– Там не знают. Или делают вид, что не знают...

– Во-во. – Погосов неласково зыркнул на проходившую по коридору Палеес. Око, как и усы, у него было гусарское, шальное, мутно-пламенное. Ни одной юбки не пропустит.

– Так что там было?

А просто все было, Валерий. Погибло три брата – и один их двоюродный. Двое в ночь, третий под утро и четвертый вчера днем. Вчерашнего с того света тащил Толя Сидоров. Он опытный док, но, вишь ты, не смог вытянуть. Отобрала костлявая... А еще двое подошли на Ижме. И странно как-то – замерзли... Виданное ли дело: ненцы – и замерзли... причем двое, мать их... А было, видимо, так: пили они все вместе – все шестеро. Те двое с Ижмы им это огненное пойло и привезли. А до этого уже хряпнули сами мальца...

– Метилковый?

– Похоже. Мог быть и денатурат, и всякая там политура, но они бы так все не поиздыкали. Одного я, кажется, знал. В прошлые два года они недалеко от куста Северного стояли. Километрах в тридцати всего – где у Толвы петля, а правый берег высокий – и лес на нем с росахами.

– И кто им это ядовитое пойло привез? Известно?

– Откуда? Сам черт не скажет...

Любивший сесть на край стола, Погосов искал, на каком из трех столов угнездить костлявое седалище. Но все они были завалены бумагами, и Андрей сел на подоконник.

– Тебе не кажется, что на нас катят? – спросил Грек.

Погосов поднял плечи, демонстрируя неготовность идти дальше скрытых предположений. Плечи у него были узковаты для его заметного роста. (Сам говорил, что фигура у него семитская – от деда). А когда он вбирал в них голову, то казались просто утолщением шеи. Особенно в сером свитере крупной вязки, который связала жена, родившая ему четверых, чтобы парализовать его донжуанство.

– Не знаю, Валерий. Если ты про тот случай в декабре, то впечатление, конечно, может сложиться...

– А природоохранники – помнишь, в конце года наезжали? То мы лес на профиля вырубаем для сейсмики, то нарушаем среду обитания туземцев. То тундру летом гусеницами месим.

– Да, непонятно. Ведь у Тихарева все схвачено и заплачено...

Так и было. Иногда какое-то ведомство, случалось, устроит мелкую пакость – но только чтобы напомнить о себе. Зафырчит или ошестинится, как голодный зверек. Тут ему бросают косточку послаще. А если зарвется – натравливают на него зверька покрупнее.

Харлампида говорил о нерутинности ситуации – и даже о полной ее атипичности. Были и другие признаки – и прямые, и косвенные, – и в общем опыт подсказывал: что-то не так.

Погосов прикрыл дверь в коридор и сгустил свой баритон до баса:

– Если начали катить на Тихарева, я не против. Но людей-то зачем травить...

Грек выразительно приложил указательный к губам.

– Ты думаешь, слушает?

– Знаю. – Валерий наморщил чело. Его лоб и просился назваться челом. В лице его было нечто иконописное. Черты были тонкие, глаза узко-миндальные, льняной – в барашек – волос набегал на смуглый лоб.

По отцу он был греком, а мать у него была метиской – дочерью ненки и оненечившегося беглого русака. «Оболеневоделся», – говорила мать о своем отце, которого Виталию увидеть не пришлось – за ранней кончиной того от невзгод и труда.

– Валер, это правда? – Дверь распахнулась и в нее влетел вопрос Веры Палеес, но не она сама. – Там целое стойбище полегло.

Грек кивнул:

– Да. Извини, Вер, у нас разговор.

Дверь недовольно скрипнула, а Погосов басонул:

– Ну вот, через час уже и Москва будет знать... господа акционеры... а также господа лондонские акционеры... – Он поднялся с подоконника, устало поеживаясь. Щас менты зачествят,

прокуратура. Тихарев назначит внутреннее расследование. Он мне звонил час назад. Прилетит из Москвы завтра утром. Отказался от запланированных встреч.

– Ладно. Если будет время, я там все на месте разведую.

– В чум не езд. Лишние вопросы могут возникнуть.

2. Москва

Нил Тихарев, генеральный директор нефтяной компании ДЕЛЬТАНЕФТЬ, пил кофе в ее московском офисе. Обыкновения кофейничать за ним никогда не водилось. Он вообще не считал необходимым взбадривать себя напитками, не содержащими алкоголя. Однако в протокольных ситуациях пил и кофе.

Сегодня он пил кофе с Вацлавом Дубом, вторым лицом в компании «ОМЕГА-НАФТА», с которой у ДЕЛЬТАНЕФТИ был долгосрочный рамочный контракт на продажу сырца. Ежегодно он продлевался. Одним из перекачивающих терминалов был литовский порт Мажейку, там и обосновался Вацлав Дуб в последние три года. А всего секретарша принесла три чашки кофе, третья – директору ДЕЛЬТАНЕФТИ по маркетингу Семену Шварцу.

Обсуждали ценовые коррективы на ближайший квартал. В нефтяном бизнесе цены трудно загадывать наперед (пусть на нефти и кормятся плантации прожорливых аналитиков), и лучшая страховка от рисков – фьючерсная организация дела. Впрочем, и понятие фьючерса здесь условное. В случае резких ценовых перепадов в торговых сделках речь всегда о рыночной цене, актуальной на момент заключения или подтверждения договора.

Тихарев не был докой в маркетинге. Он был производственником старой закваски и в тонкости торговли не лез. Помимо цен, впрочем, обсуждалась технология оптимизации маршрутов транспортировки нефти и вопросы взаимодействия с транспортниками – и главным образом с ТРАНСНЕФТЬЮ – огромной трубой-монополистом, ставившей все более жесткие контрактные условия.

– С замами Вайнштока я встречался всю прошлую неделю. Конечно, новый контракт, который предлагает ТРАНСНЕФТЬ, не сахар, но думаю, особенно пыжиться и совать им протоколы разногласий нам не с руки. – Шварц суетливо схлебывал кофе, тянулся к вазе с печеньем. Ему было сорок пять, во внешности у него было мало еврейского, но в синагогу (Тихарев это знал) он ходил – и довольно часто.

– Это почему? – спросил Тихарев.

Шварц улыбнулся ровными зубами:

– Ласковое теля двух маток сосет...

– Кто? Кто вторая матка? – Бычился Тихарев. Он грузно сдвинулся вперед, скользя опорным местом по черной коже кресла. – Нет никакой второй матки... В общем этого мало. Надо бы у «самого» застолбиться.

– Нет проблем, – слукавил директор продаж.

Шварц даже не лукавил, он врал, но Тихарева злило в нем не это. Его злило то, что тот показно напрягался и что натужность и поспешность его деловитости была заметна любому мало-мальски проницательному взгляду. Или это просто задача была такая – выглядеть суетливым исполнителем...

Семен Шварц занимался продажами нефти уже много лет, но, как представлялось Нилу Тихареву, «слишком рвал себе анус», показывая, что в деле совершенно незаменим.

Вацлав Дуб мягко улыбнулся:

– Три года, Нил, что я работал в Мажейку, я делал свой приорити на трубу господина Вайнштока. Ему сам ваш патриарх Алексис Два орден дал. Нет хороших отношений с ТРАНСНЕФТЬЮ – нет бизнеса.

Тихарев закурил сигарету. Двое других были некурящими и едва переносили табачный дым, но Нил Тихарев не изжил в себе хама. Особенно в отношениях с людьми, которых ранжировал ниже себя. Он закуривал и с равными себе, и с более могущественными людьми – даже если те были некурящими. Однако в этом случае он закуривал трубку с дорогим пахучим табаком – и все умилялись, заводили разговор о голландских табаках, о редких сигарах...

– Нет, с ними у нас нет проблем, – соврал и Тихарев. – Мы скоро подпишем с ними соглашение. Какие могут быть разногласия – так, мизер, сушая чепуха.

Он красиво пустил в потолок кольцо дыма, потом второе – поменьше. Второе прошло сквозь первое, и оба растворились в воздухе одновременно.

– Этому трюку я научился «на зоне», когда двадцать лет назад отбывал срок за экономическое преступление. Я делал бизнес еще при коммунотаврах...

Переглядчивое и понятливое молчание. Директору нефтяной компании, даже если им и станет – по странной логике судьбы – человек с такой отметиной в послужном, негоже выставить ее на обозрение. Пятно есть пятно – какого бы цвета оно ни было. Поди доказывай, что боролся с системой, ведь всяк разумный скажет проще – воровал...

Но в разговорах с иностранцами Нила Тихарева иной раз выносило на браваду. Те и впрямь готовы были верить, что перед ними диссидент, дождавшийся своих лавров.

В случае с Вацлавом Дубом обошлось без рукоплесканий. Он был поляком и жил при советской власти – и в общем знал что почем не хуже любого русского. Он вообще проигнорировал реплику и скривился в тонкой насмешливой улыбке:

– В общем главное приорити – уверенность. Уверенность в завтрашнем дне. Это всегда важно. И чтобы не было врагов.

– А у нас она есть. – Тихарев сполз на край кресла и, чтобы не съехать по скользящей вниз, уперся – напряг мышцы коротких мощных ног. Хлопнул Шварца по коленке: – Так ведь, Семен?

– Полная. Полнейшая. В нашем деле без гарантий нельзя.

Тихарев хотел проводить Вацлава до машины один, но вездесущий Шварц тоже скользнул в провожатые. Нил сначала и не отдавал отчета, зачем ему надо было остаться на минутку наедине с поляком. И только после того как тот сел в большой серебряный «мерседес» их представительства, который помчит его в аэропорт, в близкой памяти директора ДЕЛЬТАНЕФТИ всплыли последние слова поляка...

Был первый день марта. Московское небо заволожено жарким серым саваном выхлопов. Плюс пять. Ручьи. Где-то справа ухнула под ноги прохожим пудовая сосулька. Слышался смех соседских бездельников из охраны и шоферни. Все оживало в природе... а Нил Тихарев чувствовал, как у него отнимаются ноги...

Конечно же, есть в эритроцитах у поляков и кичливость, и похвальба, и пустого трепуха хватает... Но Вацлав Дуб, как считал гендиректор ДЕЛЬТАНЕФТИ, был одним из лучших образчиков нации. Безусловно сдержан и беспредельно корректен. Любил красивые жесты и был немного позер, поскольку обладал отменной фигурой и аристократической (возможно, военной) выправкой. Но на слова был скуп и незатейлив. Красив, как манекен или некий биоробот – таких клонировать. Нет – он и слова лишнего не скажет все...

Уже падая на заднее сиденье «мерса», поляк им кинул через дверцу:

– Мы часто ищем дружбу в бизнесе или невольно рассчитываем на дружеские отношения. Но друзья в бизнесе – такая же редкость, как преданная жена-красавица. Мне не один раз попался такой Сальери, всегда готовый прибежать ко мне с паленкой. Так, кажется, плохая водка по-русски?

– Я-я, это по-русски. – Махал ему ладошкой Шварц, зачем-то пародируя немецкий акцент.

Все это было только что – пять минут назад. А сейчас Нил Тихарев по прозвищу Откат, грузный человек с отечным лицом и кожей серого гранита, тянется за второй кряду сигаретой... его рука дрожит, а левое нижнее веко трепещет. Кто не знает языка намеков, тот не добьется в жизни многого. Нил Тихарев и сам любил иносказания, но оброненное только что полячком потрясло его до самого фундамента души, рассчитанного на семибальные встряски.

Вацлаву Дубу уже кто-то «слил» информацию о том, что случилось вчера за две с лишним тысячи верст отсюда – у заиндепевшего полярного черта на куличках, в северной кладовой углеводородов...

Но этого мало. Никто бы так запросто и не попытался выболтать Дубу свежие новости из ДЕЛЬТАНЕФТИ, если бы не было какого-то замысла или умысла, если бы за этим не было какой-то незримой стратегии или схемы.

Такое могут «слить» только в целях информирования о готовящихся кардинальных сдвигах.

И Вацлав Дуб предложил проницательности гендиректора ДЕЛЬТАНЕФТИ довольно прозрачный намек на то, что тому стоило насторожиться и проявить обеспокоенность. Он мог бы и промолчать, но все же намекнул. Интересно – из ехидства или из личной симпатии? Личной симпатии между ними не было, это ясно как день. Как ясно, впрочем, и то, что Вацлав Дуб – не пересмешник. Тихарев терялся в догадках.

Три недели назад ему уже просигналили о недовольстве некоторых акционеров компании его работой. Акционеры – дело святое, он и сам был акционером ДЕЛЬТАНЕФТИ, правда сверх-миноритарным.

Об этом ему прошелестел за столом ресторана в Москве Сашка Баринов, чин из Роснедр (Федерального агентства по недропользованию), номенклатурный толстый слизень, которого Нил знал еще с семидесятых, по учебе в «губкинском» – тогда худющим, как штaketина, и таким же негнибачимым комсомольским вожаком.

– Откуда ты знаешь? Откуда тебе в твоей конторе известно? – Надавил Тихарев. – Ведь я бы первый узнал. У меня на сероводород нюх острый. У меня везде детекторы газа расставлены.

– Хреново расставлены значит. – Слизень нечленораздельно глодал сладкую цыплячью ножку. – Значит, хреново расставлены, если уже и до меня дошло, а ты не знаешь.

– Узнать бы, откуда ветер дует...

Но в ядерный век никто не назовется твоим неприятелем и не бросит открыто перчатку. Рыцарские или хотя бы шпанские обычаи (чтимые Нилом со времен заключения) в том мире, где принимаются решения и где бурлят денежные потоки, не в чести. Никто к тебе не выйдет с открытым забралом.

Если бы у Нила Тихарева была говорящая фамилия, то от родительской она была бы так же далека, как и от благоприобретенного прозвища. У него, с одной стороны, человека неробкого и нетихого, склонность к вымогательству (*Откат*) вовсе не была определяющей. Не находил он странного в том, чтобы самого себя переименовать или самому себе присвоить новую фамилию, то назвался бы Прихватовым...

Нет, вовсе не от буровой оно велось бы лексики (где прихватом называют прилипание колонны или инструмента к стенкам скважины). Оно бы вбуривалось в самую глубину его детства – откуда и не разглядишь за давностью... Прихватом его звали челябинские мальчишки – за то, что в драке или борьбе любил «прихватить» – сдавить до хруста или вывиха шею противника. Придавит под локоть, ровно тисками, и держит, пока сопернику уже терпеть не вмогуту.

Так неужели же теперь кому-то другому прихватить Нила Тихарева искомо?

Тихарев, конечно же, нутром чуял тектонические сдвиги, пошедшие в структуре акционеров компании. С тех пор как три года назад почти всю свою долю продал Клим Ксенофонов, самый крупный «единоличник», в ней стали происходить потрясения и реверберации.

Тогда – три года тому назад – по долям она разделилась на трое. Треть принадлежала независимым и миноритариям, треть – КУЛОЙЛу и последняя треть – англо-голландской группе SORTAG. Последние называли себя инвестиционным синдикатом или энергетической корпорацией.

Спустя еще полгода влиятельные лица («козлы из правительства», как сжегивал с губы Тихарев – зло, но, впрочем, политкорректно), перекупили часть у миноритариев, выторговали небольшую часть у КУЛОЙЛа в обмен на другой сытный проект – и отдали это SORTAG'у. Теперь у группы SORTAG оказалась почти половина акций ДЕЛЬТАНЕФТИ.

В этом была и политехзадача – энергетические концессии Европе в обмен на политические.

Нила Тихарева в лихорадочной сумятице, связанной с «бегством капитала» в лице Клим Ксенофонтова, поставили директором ДЕЛЬТАНЕФТИ три с половиной года тому назад. Потом, когда все разделилось на две почти равные доли – свою и заграничную, – Нил ждал, что его сместят. Однако этого не произошло, и тогда он уверовал, что нужен делу и всецело предан ради интересов акционеров, и прежде всего за собственные.

В то время у КУЛОЙЛа не было больших амбиций в ДЕЛЬТАНЕФТИ, и российская часть дел была как бы вверена самому Нилу Тихареву. В SORTAG'e же считали, что матерый и природно-русский Тихарев им куда полезнее, чем кто-либо. Чем, скажем, вышколенный долговязый европеец-менеджер...

Так они полагали тогда в SORTAG'e – правда с той оговоркой, что полномочия гендиректора в подборе людей на вторые роли должны быть ограничены. Одним из неприятных последствий этой оговорки был директор по маркетингу Семен Шварц. Были и другие.

Два года назад Тихарев через своих агентов «вычислил» Клим Ксенофонтова и встретился с ним на Майорке, где у того была офшорная резиденция. Ксенофонтов помнил его по нескольким давним встречам, но принял скорее из любопытства («а как оно там у вас теперь, ребята.»), так показалось Тихареву. Иначе и не объяснишь его мотивов, ведь принял он Тихарева чуть не в исподнем – в шортах и какой-то цветастой рубашонке.

Бросил рукой на счастливый берег моря за панорамным окном:

– Здесь хорошо.

Налил виски на мизинец.

Тихарев решил тогда спросить в открытую:

– Почему они взяли меня, Клим? Ведь могли бы и другого.

– А решили, что ты – тот русский, который им и нужен. А нужен им законченный подлец и жулик... как, скажем, ты и я... Такая уж эпоха на дворе – пэ-эн-ка...

Клим Ксенофонтов скользил отсутствующим взглядом по скальной крутизне вниз – к прибрежным бурунам. Кинозвезда, блин, в коротких штанах. Сам ведь первый, гад, российский каравай драконил.

– А, может, им имя твое понравилось... Нил, ведь... Ладно-ладно, Нил, я ведь без обиды. Тебе как – со льдом?

Тихарев не узнал Ксенофонтова, он стал противнее медузы. Говорят, Клим изменила смерть дочери, когда его машину расстреляли из автомата. Изменить-то изменила, да не настолько, чтобы совсем потерять хватку... Он удачно продал все рискованные доли и паи, что были у него в России, и давно уже вяло и небрежно поигрывал в инвестиции из закордонья.

На какой-то момент его взгляд растуманился:

– А вообще-то ты им нужен, Нил, на период становления. Чтобы поставить добычу, обустроить месторождения... договориться с местными... со всеми... отработать разведочный цикл, подтвердить запасы... чтоб из трубы полилось сколько надо...

– Ну ты даешь, Клим Петрович, – льстил ему Тихарев. – Откуда ты про нашу специфику знаешь? Ты ж фондовый волчище, ты ж не нефтяник...

– А читаю, – лениво отвечал хозяин. – Хочу понять, что такое нефть... кровь земли... для чего она...

За Ксенофонтовым в ДЕЛЬТАНЕФТИ оставалось примерно два с половиной процента акций. Но держал он их через фирму-посредника, и об этом не было известно даже Тихареву.

– Ну, а потом?

– Что потом? Нужен ли ты им будешь потом? Скорее всего нет... Но ты так все обставишь, Нил, что им трудно будет так сразу от тебя отказаться. – И Ксенофонов закатился хорошо поставленным смехом.

Вот скотина, еще и смеется. Ну, ничего – годик-другой у меня есть в запасе, чтобы как ты капиталцами обложиться. Пара-тройка лимонов у меня и сейчас сыщется. Но задача в том, чтобы их удвоить... и утроить... и упятерить, и ушестерить, хха-ха... Что ж, спасибо тебе за совет, Клим Петрович...

Так что же – неужели подошли те сроки, которые ему Клим Ксенофонов предрекал? Но даже если и так, еще посопровтивляемся... Если хотите меня гадом выставить, который природу не любит и туземцев губит, то так легко я не дамся, ребята. Вот если бы по-хорошему, полюдски – сам ушел бы, а так. Знаю, что в драку с вами, ребята, лезть нельзя, но и просто так не дамся. Кому-то шею придавлю...

Нил Тихарев тихо врал себе. По-хорошему он не ушел бы, он бы и тут посопровтивлялся. Попросил бы предъявить веские аргументы и подыскать ему достойную предпенсионную синектуру.

...но ты так все обставишь, Нил, что им трудно будет от тебя отвязаться...

А ведь прав был, пожалуй, советчик с балеарской Майорки...

3. Толва

Звонок отвлек Анну от ежедневной рутины, много времени однако не отнимавшей. Стерилизация инструментов существенно упростилась с того времени, когда стали повсеместно использовать пластиковые разовые шприцы.

Ее вызывали по рации.

– Анна Юрьевна, я тут привезу к вам в медпункт одного из своих...

– Откуда вы, Антон?

– Та с сейсмостанции. Мы щас недалеко стоим – в восьми кэмэ от Толвы.

– Что – опять обмороженный?

Приходько трескуче хохотнул в рацию:

– Та не то шобы совсем... скорее примороженный по жизни, га-га-га. Они у меня все по жизни комики...

– Что так?

– Так все из Коми – из республики, га-га...

– Я распоряжусь, чтобы послали разъездную. Вам незачем самому его везти...

– А ничего... время есть...

Анна Тушина и сама была из Республики Коми, значит и она у него – тоже из комиков...

Она избегала встреч с Антоном Приходько, но его навязчивость искала любого повода попасться ей на глаза. В заполярном поселке Толва, состоявшем из пяти вахтовых строений и трех полусгнивших деревянных контор на сваях, трудно было избежать встреч с его обитателями. Еще труднее – с тем, кто их ищет...

Решение отправиться за полярный круг было внезапным – как если бы и не она сама его принимала. В последние несколько лет Анна была рядовым участковым терапевтом в сыктывкарской больнице. Прошлой осенью в «СевНАОгеофизике» искали врача на работу в сейсморпартию, и кто-то из коллег предложил ей с ними созвониться.

Она подписала контракт на полгода – два предновогодних месяца и четыре посленовогодних. *Завербовалась*. Нет, просто уехала от пустоты. Нет, от пустоты не уедешь. В общем завербовалась. Странное слово, старинное какое-то, советское, похожее на облупившиеся капители со сталинскими звездочками на улицах Ленина...

Анна собрала каштановые волосы в узел на затылке, скрепила деревянным самодельным гребнем. Десять длинных зубьев без одного... с тонко выжженной вязью... – *Держи грабли*. Крепкие объятия... пушистый усатый поцелуй... – *Толь, это не для моих волос... – Для твоих...* Снова поцелуй. Домашний, простой, но другого и не надо. – *А кто ремонтирует вам самолет – там, в Африке? – Там? Маленький принц*. И снова усы... общекочешься. Пшеничные... нет, льняные... нет, ты уже не помнишь, какие у него усы...

Круглое в полметра зеркало – вахтовый ширпотреб. Из него на тебя смотрят спокойные карие глаза. Вся седая – приходится краситься. Хорошо, что брови не седые. А могут брови поседеть раньше волос? И седеют ли вообще? Иногда сначала седеет первичный волосяной покров, потом вторичный. Иногда наоборот. Есть много мужчин с седой бородой и не тронутыми сединой волосами. Какие беды и какие извивы судьбы определяют это – и есть ли закономерность?

Некстати вспомнилась строка из какого-то сочинителя-абсурдиста: *уши и нос растут у человека до самой смерти, а ногти и волосы даже после нее...*

Да, глаза спокойные, все еще красивые. Они и до старости бывают красивые. Даже у старух бывают красивые глаза, правда уже не зовущие. Вот уже несколько лет она ловила себя на том, что дорисовывает себе косметическим карандашом старушечьи черты. Иногда морщинит и скукоживает лицо, поджимает нижнюю губу, тонко выводит сетку морщинок.

Однажды она даже купила набор артистического грима. Пригодился опыт в студенческом драмкружке. Анна просидела весь вечер дома у зеркала и до неузнаваемости выкрасилась в старушку, повязала косынку...

Иных преследует страх состариться, а ей самой хотелось поскорей приблизить старость. И потом долго жить в тихой уютной старости, изредка похварывая – но несильно.

Да, глаза красивые. Ей все еще говорят об этом. А состарится – перестанут. Скорее бы уж. Вдова – это уже наполовину старушка.

Красивые глаза. Миндальные. Какими еще называли ее глаза? В основном красивыми. Иногда удивительными. Томными. Иногда смелыми. Иногда просто большими. Один пациент называл «зрением». «Ну, у вас и зрение, Анна Юрьевна...»

Послышалось тарахтенье дизеля. К вахте подскочил легкий гусеничный вездеход и ткнулся носом. С водительской стороны ловко спрыгнул сам Приходько, а из тента сзади – мальчишка из его бригады.

– Малыш уж отморозил пальчик – Приходько пнул дверь валенком. Двери деревянной одноэтажной вахты придумали открывать вовнутрь – так узок был коридор.

Он вырос на пороге – большой, в лохматой енотовой шапке, в модной – не по морозу курточке вместо обычной «парки». Из-за плеча выглянула лисья мордочка Андрюшки Самохвалова. По имени Анна знала только трех – не больше – рабочих-геофонщиков. Эти парни были из северных деревень – молодые, терпеливы и выносливы. Мелкие недуги переносили стойко, а некоторые боялись заходить к ней, потому что их пугала ее яркая зрелая красота.

Самохвалов так и просил однажды после осмотра записать себя – Андрюшка. Месяц назад жаловался на боль в животе. Спросила его тогда: не холодно ли в сорокаградусный мороз весь день на снегоходе. «Привычные», – Андрюшка моргал рыжими глазками.

– Ему и больно, и смешно, а мать грозит ему в окно. В общем chill factor, – смеялся Приходько, выгребая из-за спины работника.

– Что-что? – невольно переспросила она.

– Да его не переводят. Чел-фактор он и в Африке человеческий фактор. Да вот он – факт на лице. – Приходько сграбастал парня за кадык, поворачивая к ней правую щеку. – А я, говорит, охотник...

– Чево? Охотник я... – сюсюкнул стиснутым ртом Андрюшка.

– Ага, охотник – до девок и до водки. – Не давал ему сказать за себя Приходько.

– Кончайте ерундить, Приходько. Дайте осмотреть пациента. – Построжилась Анна.

Когда нужно, ее черты становились резче, а взгляд повелительным. Идеал деловой женщины, как и вообще женской деловитости, – это женщина-врач. Только в этой профессии женщина может добиться безусловного уважения и обожания, беспрекословного подчинения. Она врачует душой.

Щека у Андрюшки была в волдырях и бело-розовых натеках. Нос был тоже обморожен, но прежде и несильно. Теперь шелушился. Анна усадила пациента поближе к окну – чтобы лучше разглядеть.

– Левая щека не так. – Рассматривал себя в настенное круглое зеркало Приходько, словно речь шла о его собственной щеке. – Они у меня по десять часов на ветру и на морозе.

Приходько был блондин с рысьим взглядом, широким носом и темно-русой бородой. Колоритная фигура, непререкаемый авторитет в среде рабочих. Бригадир. Работяги ему льстили – не всякая мелюзга, те не умели, а те, кто постарше. Перед ним заискивали, в глаза и за глаза называли Князем. Он и «понтился» этим своим низовым, рабоче-крестьянским – или скорее блатным – аристократизмом.

Этот человек, не исключено, мог бы многого добиться в жизни, – думала Анна, – если бы не закуклился в своем бригадирском звании, в ощущении себя «старшим над младшими», над синими и черными воротничками. Он был главным в этом мире, и ему в нем было комфортно

настолько, что добиваться чего-то большего в жизни он не стремился. Анна видела: иногда он и сам улещал инженеров-геофизиков, и даже заискивал перед менеджерами «СевНАОгеофизики» и ДЕЛЬТАНЕФТИ.

Кто не способен подчиняться сам – тот не умеет и подчинять. Анна Тушина знала – это непреложный факт. Это закон для всей социальной пирамиды, но в нем есть нечто порочное и это разочаровывает в людях. Но в Приходько это разочаровывало особенно. Он даже стал для нее каким-то зримым воплощением деградации идеи пролетарского, самого духа класса... особенно с Нового года, когда стал ее преследовать...

Приходько преследовал ее неотвязно – как россомаха, с того времени, когда она впервые (и однажды) оказалась в его объятиях. Тридцатого декабря она могла вылететь из Усинска в Москву – и ехать дальше к сыну, воспитаннику «суворовского» в Твери. И отпросилась уже на три дня – за нее бы дежурила фельдшерица, да и доктор Сидоров на арьеганской базе обещал подстраховать...

Но осталась почему-то. Нет, не почему-то. Потому что не могла поступиться долгом врача, потому что когда-то приносила «клятву Гиппократу» и оставалась верна ей. В тот день – двадцать девятого декабря – утром в поле загорелся балок с генератором. Из соседнего выскочил маркшейдер Тихонов, занимавшийся какой-то только им, топографам, знакомой ерундой со спутниками и наземными маркерами... Сбивал пламя чем под руку попало... обе руки обгорели выше локтей...

И она осталась на Толве – среди сотни мужчин, которые расставляли геофоны по сейсмопрофилям, развозили многокилометровые мотки кабелей, потом выстукивали тундру гигантскими оранжевыми танками-вибраторами, напоминавшими шагающие железные чудовища из «Звездных войн»...

И вечная мерзлота небес... В это время снег сер, а небеса зелено-темны. Издыхающей кровавой тушей кто-то протащит по горизонту солнце – и снова все во мраке...

Вот тогда-то – тридцатого, когда она грустила по сыну и отгоняла воспоминания о муже, все и случилось. В темноте перед ней – среди ревущих и смердящих машин разного назначения, – вдруг вырос Антон Приходько и сунул в руки орхидею в пластиковой коробочке.

– Анна Юрьевна, а хотите оленью упряжку?

– В смысле?

Она торопилась с утра в контору на какое-то производственное совещание. (На нее возложили контроль за некоторыми вопросами охраны труда, основные были за инженером по ТБ). Три жилые вахты, стоявшие в низине, сверху – с бугра – замыкались офисной блочной коробкой. Внутренняя площадка между ними служила открытой стоянкой для техники. Здесь жались в кучу офисные джипы, вахтовые «уралы», нивы-луноходы с огромными мягкими колесами и еще шесть или семь железных чудищ на гусеничном ходу.

Вся эта техника тарахтела и днем и ночью. Все зимние месяцы – все двадцать четыре часа в сутки. На сильном морозе дизеля не заводятся, поэтому их и не выключают. Лишь однажды, когда случилась оттепель, две ночи стояла оглушительная тишина. И ноздри не расpirал стойкий солярный выхлоп.

В то утро, когда она, боясь оказаться раздавленной резко тронувшим с места вездеходом, спешила между всеми этими ревущими, гудящими, трясущимися, слепящими светом, изрыгающими дым и пар монстрами, перед ней вдруг вырос Антон Приходько – душа и грудь нараспашку...

– Анна Юрьевна, а хотите оленью упряжку?

Она бы устояла... Но наступил вечер тридцать первого, когда в сеймопартии был негласно снят «сухой закон». Она пила коньяк с «бандой краснорожих», геологоподобными мужиками из маркшейдерской группы. Из женщин с ней была переводчица Тая, лукавая неночка из Нарьян-Мара, и толстушка Татьяна, ее фельдшерица.

Потом к ним зашел Антон Приходько. Потом она танцевала с ним в валенках. Потом... господи, да что убиваться-то, ведь она и бежала сюда от пустоты...

Уже на следующий день Анна стала натекать на косые с ехидцей взгляды парней из его бригады. Их первых увозили в поля, в утреннюю непроглядь и стын, еще до семи. Поэтому сразу после завтрака они собирались погулять в тамбуре административного барака – закачать в легкие первую порцию дыма.

Она подозревала в нем склонность к похвальбе – и не ошиблась. Заметную перемену к себе она почувствовала и со стороны Филиппа Леру из французской группы. «СевНАОгео-физика» закупила в прошлом году у французов современную сейсмостанцию для съемок 3D. Группа из нескольких французских инженеров помогала нашим осваивать приобретенное оборудование. Еще один – Филипп Леру – с молодым программистом из Тюмени занимался первичной обработкой полученных сейсмических данных.

Анне было известно, что Филипп – холостяк, а сердце подсказывало – она ему очень нравится. Только француз что-то долго к ней присматривался. Ах да, эта их «политкорректность», боится за свое реноме...

Сердечко знало и того больше: он готовился сделать несколько шагов навстречу, просто собирался с духом. И вот ведь поди ж ты... годами одна, а тут столько мужчин вокруг, готовых ловить каждый твой взгляд... Вот ведь дурочка – да кому ты нужна такая шальная, доктор Тушина? С той самой злополучной новогодней ночи все и разладилось – и ей давно уже отчаянно хотелось вернуться в Сыктывкар...

Ломать голову над тем, кто постарался разочаровать в ней Филиппа, не пришлось. Конечно же, Тая – маленькая полярная лиска, которую взяли сюда переводчицей. Слабое знание английского (французского она и словечка не знала) Тая восполняла ломаным трепом о том, что было скрыто от поверхностного взгляда французов. Малорослая и тонюсенькая, она обладала какой-то несокрушимой жизненной цепкостью, далеко не всем аборигенам в этих краях присущей.

У Таи была склонность к интригам. В сердце у нее горело жаркое пламя мести. Анна не сразу это поняла, сомневалась все, боялась ошибиться. Это было пламя мести младшей сестры за обиды, причиненные старшим братом. Это был дух мщения малых северных и азиатских народов *за века порабощения, спаивания, поправления природы и расхищения природных ресурсов...*

Она была умна, эта Тая, не лишена обаяния, но слишком ярко в ней тлел этот *огонь мести поработителям и растлителям ее народа, ненависти к тем, кто погубил в пьянстве его мужчин, увез в города его детей и, главное, продолжает эту колонизацию...*

Тая давно уже расположила к себе французов мнимой открытостью и беззащитностью, а еще – рассказывая об унижениях, которые ее народу причинил и причиняет «старший брат». Сама Тая была и вовсе неразборчива в связях с мужчинами, но ей хватило трех корявеньких английских фраз, чтобы намекнуть Филиппу Леру о случившемся между Анной и Приходько той новогодней ночью.

Да и бог судья, обиды на нее у Анны не было, ей все равно было жалко Таю. Та ведь и хотела, чтобы все ее жалели. Да и черт с ним, с Филиппом, скоро уж насовсем уедет в свой далекий европейский рай.

– Что-то не идет к нам весна нынче, а? Опять тридцать семь на дворе. – Приходько тряхнул енотовым ухом.

– Не отвлекайте. – Снова построжилась Анна, обрабатывая щеку Андрюшке Самохвалову. – Вот у вас и мерзнут рабочие, оттого что сами часто греетесь. А этот пусть посидит на больничном хотя бы сегодня – а лучше и завтра...

Она уже писала Андрюшке памятку – что ему делать чтобы поберечь щеку и нос, какие лекарства и как их использовать. Приходько же подсел к столу, за которым она писала, зло и холодно выдохнул ей в лицо:

– А вот не посидит... не посидит он, Анна Юрьевна... Потому что больничный ему ни я, ни вы не выпишите – и никто его ему не оплатит...

– Ну что – мне идти? – С пластырем во всю щеку, Андрюшка мелко моргал.

– Иди, я щас, – рявкнул Приходько.

– Не щас, а выходите вместе, – сгубила ему Анна.

Нет, грубостью его не отшить, таких это только злит, а значит интригует.

– ...потому что по дням они у меня получают. А если болеют – то шишь с маслом, такой контракт. А в день они у меня получают пятнадцать долларов. А лучший из них – двадцать. И с утра на мороз и на ветер. И он радуется, придурок. – Приходько трепанул за вихры Андрюшку, – ...что у него харчи бесплатные. И вот уже пять месяцев они у меня по сейсмо-профилям колотятся с утра до ночи. Потому что деньжат им надо привезти в свою нищую деревню в Коми...

– Я тоже из Коми, – снова попыталась пресечь его патетику Анна.

– А я нет, но дела это не меняет. А их еще ругают за то, что французские геофоны плохо в землю втыкают... А chill factor – это я только человеческим фактором называю. А так – это «коэффициент охлаждения». Да у вас у самой эта табличка есть. Минус тридцать – это все равно что минус пятьдесят, когда ветер двадцать метров. А они у меня и носятся с такой скоростью на буранах. А вчера вот одного из них уволили за пьянку. А пьянки-то было всего двести грамм на брата. Сухой, видите ли, закон. Закон-то закон, а из представительского домика каждый день уборщица по пять бутылок из-под вина выносит. А вы и сами подписали протокол...

– Приходько! – Резанула она в крик. – Идите к начальству – и все им вываливайте, все свои претензии.

Сначала он прикидывался романтиком, а теперь пытался пробить брешь в ее неприязни какой-то пролетарской злостью. В нем и в самом деле было что-то от короля плебеев – какая-то тяжелая правда, самой своей незрелостью и неизреченностью побуждавшая его к похвальбе и позерству.

– Ладно, не серчайте, Анна Юрьевна. Это все chill factor. А календарик-то забыли передвинуть.

Он сместил пластиковую рамочку настенного календаря вправо – на следующую цифру. Тридцатое марта, пятница.

4. В полете

Вылететь из Усинска должны были в семь утра, но не заладилось с погодой в Нарьян-Маре, куда летел вертолет, его с ночи накрыло пургой. В Арьегане, что в пол-лета от Нарьян-Мара, вертокрут должен был сесть транзитом, и там погода стояла летная, но командира МИ-8-го беспокоила нарьянмарская сводка.

– Ветер сильный и видимости нет, – виноватился он перед дельтанефтинцами. Те сидели в диспетчерской будке – кто покуривая, кто почитывая, кто посапывая.

В Арьеган летели Харлампи и еще двое. Дальше предстояло гнать уже наземным. До Арьегана их попутчиками были два каких-то англоговорящих мужика из «Бейкер-Хьюза», а в Нарьян-Мар летели три чиновных субъекта из администрации Ненецкого округа. Последние грелись в просторном джипе на улице. Летчик нервно курил – ждал восьми чтобы позвонить шефу в авиатранспортном предприятии, услугами которого пользовалась ДЕЛЬТАНЕФТЬ.

Во многих местных делах и делишках порукой Тихареву был юрист Андрей Матвейчик. Особенно хорош он был в судебных тяжбах и делах контрактных, а уж с транспортными компаниями – так до последней буковки хорош.

Вот и с вертолетчиками у ДЕЛЬТАНЕФТИ был контракт с виду гладкий, а внутри шершавенький. А сейчас летуны были обязаны доставить в Арьеган работников и оборудование ДЕЛЬТАНЕФТИ, но как-то невпопад подрядились подкинуть в «северную столицу» еще чинуш из администрации округа. В тот день тем же маршрутом должен был вылетать еще и рейсовый МИ-8, но мест в нем не нашлось.

В диспетчерскую стуча унтами ввалился «правак», с которым Харлампи был неплохо знаком.

– Пурга и к нам подбирается. Собачки на спине елозят.

– Так то ж не ездвые – местные, бродячие. Какой с них спрос. – Пыхнул дымом в ответ командир, мелкий, скучный, круглое рябое лицо.

– Да у них инстинкт, Петрович. Что они ученые, что нет. Ученые они бывают тупее бродяг.

– А в Арьегане, передают, ветра мало и солнышко, – буркнул командир и, как черепаха в панцирь, въежился головой в синюю летную куртку.

Грек не торопил их с принятием решения, пусть сами себе извилины мнут. За каждое неисполнение обязательств летуны платили неустойку – и очень крупно получали «по мозгам» от руководства. На Арьеган диспетчера давали «добро», но там, случись им задержаться по метеоусловиям Нарьян-Мара, эти ненцы-начальники из администрации НАО торчали бы без всякого комфорта. А начальники были крупные – что было видно и по внешним признакам, ширине лица и «прикиду».

Собственно ненцем был лишь один из них. Еще один был русский, и еще – еврей, но оба хорошо владели методом этномимикрии и этак жирно и лучисто шурились на все с покатых щек.

Грек был невозмутим, он давно уже запустил свой ноутбук и работал с ним «с колена». Снова и снова возвращался к конструкции эксплуатационных скважин, сетку которых ДЕЛЬТАНЕФТЬ будет бурить в контуре Верхнеужорского нефтегазоконденсатного месторождения. В «ковре бурения» на этот год их было «забито» четырнадцать. Почти столько же скважин предстояло построить и в следующем.

Греку откровенно не нравилась схема разработки месторождения. Но больше всего ему не нравилась собственная трусость. Открыто дискутировать – или «выступать» (как любил сказать Откат) Валерий Харлампи редко когда осмеливался, не хватало веских аргументов.

Раньше он думал, что это только в гуманитарных зыбучих вопросах не добьешься истины. Там нет ни однозначности, ни точности, ни очевидности вещей. И поэтому нет ни одного мудрого и лаконичного философского утверждения, которому нельзя противопоставить такое же мудрое и красивое, но при этом полностью противоположное по смыслу.

Черта с два. И в серьезных вещах – в технических и высокотехнологичных, прежде всего требующих знания тысяч и тысяч формул, установлений и процедур, высокой дисциплины ума и ответственности (да что там – требующих отличных мозгов и разворотливых рук) истина далеко не столь очевидна и неоспорима, сколь оно казалось в юности. Есть вещи, которые выше нее.

Например, интерес. Интерес личностный, надличностный, корпоративный и так далее. И за этим интересом чаще всего скрывалось гнилое, хищное и ядовитое дыхание низменных страстей.

Обывателю, далекому от «нефтянки», невдомек, что запасы углеводородов не просто высасывают из недр, как сок через соломинку из тетрапака. Разработку этих запасов тщательно планируют с использованием тысяч параметров, данных геологии, геофизики, сейсмических исследований, бурения и т. п. Инженеры-разработчики строят сложные компьютерные модели – гидродинамические, геологические и прочие. Геологи и геофизики изучают строение и залегание пород, рисуют сотни разных карт, проводят кучу анализов керна, десятки разных видов каротажа. Определяют отражающие горизонты, контуры водонефтяных и прочих контактов, кучу разных видов проницаемости и пористости породы, условия залегания пластов, древние тектонические процессы, приведшие к образованию антиклинальных ловушек, течение палеорек, где в мезозое или юре происходило осадконакопление или образование залежей. Потом за дело берутся буровики... Да что там – не скажешь и о десятой части того массива работ, что предписывается производить при разработке месторождения. А сколько нужно всего осилить при его освоении – лучше не вспоминать...

Всеми этими исследованиями занимаются умные и высококвалифицированные специалисты – привлеченные ли коллективы и фирмы, свои ли отделы в компании...

И многое зависит, конечно же, от того, насколько эффективными и разумными будут схемы и технологии разработки месторождения. Ведь можно и в полгода его загубить – неряшливо натывать стволов в нефтенасыщенный пласт, что потолще... И в результате добыть только половину извлекаемых запасов, а остальное – коту под хвост...

А между тем с самим Ужорским нефтяным месторождением так ведь почти и получилось. Стараниями генерального директора нефтяной компании ДЕЛЬТАНЕФТЬ Нила Тихарева... по кличке Откат...

Вот так всегда – начинаешь с деталей, а потом тянет на осмысления...

И какой вообще идиот придумал ставить на скважины ДЕЛЬТАНЕФТИ газлифтные системы добычи? Это на наши-то нефти, засеренные и запарафиненные? А ведь тот же господин Откат... И вроде не идиот, вроде сам из нефтяников – должен знать... Нет, газлифт мы отобьем – пусть это будет стоить мне карьеры...

Но погоди, Грек, не спеша прощаться с карьерой в ДЕЛЬТАНЕФТИ. Ведь если трон под ним зашатался, то, может, наконец-то и случилось то, что сам Откат именовал всегда «веле-нием времени»?

Мысли роились, но не мешали Греку методично просматривать конструкции нескольких скважин, что предлагались к бурению на Верхнеужорском. Пару раз кликал по отдельным частям и глубинам – чтобы увеличить объем и рассмотреть все в деталях.

Нет, ставить здесь из одного куста наклонные с таким большим отходом от вертикали неразумно. Оно вроде и экибанисто, и даже целесообразно с виду – кусточками нефть покачивать... И персонал, и сама инфраструктура будущих промыслов вроде оптимальная... Все по науке, все так, но ведь и бурить, и эксплуатировать скважины будет сложнее... А вот о бурении

горизонтальных стволов подумать стоит... продуктивные пласты на Верхнеужорском не очень мощные, так что в некоторых местах лучше дренировать «горизонталками»...

Уж такое оно месторождение, это Верхнеужорское, здесь подумать надо, покумекать да с ним самим и посоветоваться. Именно, ведь не случайно тут и геомагнитный, и радиационный фон особые, и сама природа – как у черта...

Но это все – проблемы бурения и заканчивания новых скважин. (Чужому уху сам термин «заканчивание» как минимум странным покажется). Хотя бы и с проблемами, а бурить новые куда веселей, чем ремонтировать старые или вызывать к жизни брошенные. Особенно – законсервированные в те сверхдальние – до царя Гороха – времена, когда социализм еще даже не считали развитым...

– Ну че – как там метео? – спросил у кого-то «правак».

...Отдел бурения шел с большим отставанием от плана по капремонту скважин. За это Греку уже не раз доставалось от Тихарева – не только прилюдно, но и площадно. Старый фонд ремонтировали люди со стороны – люди Дерюжного. ОАО «АРБУР». Грек давно уже убедился, что с них нельзя было спросить по всей строгости и букве контракта. Потому что одним боком выходило, что за АРБУР'ом – старые дружки Тихарева. Они ему и «откатали» за этот контракт пару лимонов долларов, по непроверенным данным. Примерно столько же, если не больше, откатали и строители, выстроившие за год офис для компании – с гостиничкой и рекреационным центром...

Тихарев откатывал и с транспортников, и с железной дороги, с поставщиков разного рода и сервисников, с которыми нефтяная компания не может не вступать в экономические отношения.

Да он, по моим сведениям, лимонов пятнадцать долларов только с откатов получил. Он разве что с КУЛОЙЛ'а ничего не просил, – нашептал Греку с уса на ус один знакомый прокурор. Не местный. Прошлым летом – когда Грек еще носил усы.

– Ну че – полетели? – Харлампида захлопнул свой ноутбук и приказно взглянул на летунов.

– Ага. – Вставал правак, хлопая унтами. – Пока и в Арьегане погоду не смело.

Командир нехотя кивнул и поплелся к «чопперу» вслед за помощником. За ними следом гуськом поплелись пассажиры. Через несколько минут вертолет стал исполински чихать, загудел и застучал турбинами, потом принялся рубить на крупные куски холодный льдистый воздух.

Много лет назад, еще помбуром, Грек всякий раз испытывал волнение, поднимаясь по выкидному трапу на борт вертолета. Хотя тогда они так часто, как теперь, не бились. Но теперь, когда общий налет у него исчислялся многими сотнями часов, от этого волнения не осталось и следа.

Однажды его даже посадили в кресло правого пилота во время полета. Категорически запрещено инструкциями... но можно... Это было не баловство, а то внутреннее право и доверие, когда никто ни в ком не сомневается.

После того как ему дали «порулить», Грек и вовсе перестал бояться винтокрылых машин. Да, они часто бьются, эти МИ-8, ну так то развалюхи из тех ведомств, где эксплуатируют технику, отработавшую свой ресурс. А у этих ребят все по регламенту: все заменялось в нужные сроки.

– Факторы риска? – переспросил однажды Грека Анатолий Федулов, командир другого борта. – Какие здесь факторы риска... Гор здесь нет, боевиков со «стингерами» – тоже бог миловал. Угорелых губернаторов – тоже... Есть подлые – но это другое. Вертолеты бьются там, где все запущено. А мы здесь вас обслуживаем. А у вас, нефтяников, дивиденды бешеные.

– Да уж и бешеные? – подначил его в тот раз Харлампида.

– А разве нет? – охнул праведным негодованием бородач-вертолетчик. – Ты прикинь. Он – на лондонской бирже, передают, уже за полста баксов за бочку полезло.

– На лондонской бирже одно, а у нас другое.

Грек знал, что последние экспортные цены ДЕЛЬТАНЕФТИ колебались в коридорчике от 31,5 до 32 долларов за баррель. Те «полста баксов за бочку» – это уже цены международных биржевых воротил, а нефтяной компании-оператору и этого – выше крыши. Да и внутренние продажи не намного им в цене уступают.

– Да вы же – как наркобароны, прикинь. Да что наркобароны, им эти прибыли и не снились.

– Ну, попроси Тихарева. Скажи – делиться надо, Нилушка. – Грек тогда не без ехидцы побуравил взглядом вертолетчика.

– Жди – поделится твой Нилушка... Я его знаю – прожженный до дыр... Лет семь-десять назад, я тебе скажу, Грека... здесь топки не было и бойлерной без своего партизана Лазо...

– Это как же? Я вроде тоже не чужой здесь...

– А вот так же. Пока ты по буровым колотился да учился в Москве... тут уж ваш Тихарев показал себя во всю ширь души. Когда делили все. Вот я и говорю, что здесь каждая топка в Тимано-Печерской провинции нефтегазовой – своего рода филиал крематория был... Пристрелят оппонента – и туда...

– Ну, а про прибыли наши что знаешь?

Греку не терпелось тогда взорвать Федулова на откровенный разговор. Ведь все себе на ус мотает, как древний летописец. И графоманией грешит: местные газетки все его очерки «при советах» тискали – за романтику Севера и летное братство...

– А что знаю... Вот в средней Сибири, где закрома поглыбже нашего – я там летал два прошлых года – построить скважину стоило миллионов двенадцать-пятнадцать. Тыщ четыреста-пятьсот баксов. Ну, какой, скажем, у нее, у новенькой, будет средний дебит? Тонн сто-то точно будет?

– У тамошней... смотря где... ну, тонн сто-двести в сутки, иногда больше... Но в общем по-разному... потом пойдет обводнение, пластовое давление начнет падать, самотока не станет – на мехдобычу надо переходить... – Греку становилось обидно, что этот летун с поспешной легкостью пытается судить о вещах профессиональных, в которых мало что знает, но неугасимое чувство справедливости в нем импонировало.

– Ну вот и прикинь. Они там два года назад, под Нижневартовском, где уже сорок лет нефть качают, в той же «Славнефти», скажем, получали по десять баксов за баррель. Это когда цена двадцать восемь была. Все остальное имели буржуи в Москве и Лондоне. Итак, в день – двести тонн. В тонне – семь баррелей. Тыща четыреста на десять баксов. Получается пятнадцать тыщ баксов в день. Множь на тридцать дней. Получается почти полмиллиона долларов... Все затраты окупаются за месяц. А в следующие месяцы – вот и прикинь, чистый навар – и какой! Откат ваш в своей ДЕЛЬТАНЕФТИ давно уже не по десять долларов за баррель черное золото продает... Вот я и говорю – наркобаронам такое и не снилось...

Открытый был парень, этот Анатолий Федулов. Мог и самому Тихареву правду-матку в лицо рубануть. Мог и главе НАО Бутову – когда возил его по округу и дальше. А несколько месяцев тому назад решил уйти с их авиафирмы – и вообще бросить Севера. Запросил свою долю в ней. (Хоть и ругал буржуев, и «Советскую Россию» почитывал, а не погнушался когда-то летное добро на акции делить). Говорили, доля была заметная. А потом как-то странно умер вдруг – угорел от печки в собственной мазанке.

Этот давний разговор с летчиком Федуловым почему-то и пришел на память Греку на борту МИ-8-го по небесной дороге в Арьяган. Сначала летели – было солнечно, потом вошли в низкую рваную облачность, машину подняли на более высокий эшелон. Потом пошли прогалы в облачности – стали снижаться к Арьягану.

Когда до арьяганской вертолетной площадки оставалось всего километров пять-семь, тяжелый мясорубный пристук ротора был неожиданно рассечен каким-то неестественным «вжиком», а в днище – прямо под ногами у пассажира – образовалась дыра шириной в палец...

Один из нарьянмарских нагнулся через брюхо к полу и поднял смятую большую пулю.

– Карабин однако, – доверчиво засмеялся чиновник.

По резкому маневру борта Грек понял, что и в кабине у летчиков случилось нечто серьезное. Тут же открылась дверца их кабины – и оттуда ввалился командир, он был бледнее смерти. Из левого рукава куртки струйкой сбегала кровь.

– Аптечку! – заорал он, вращая глазами. Но тут же упал – не от боли и не от потери крови, а просто потому что оставшийся за штурвалом правак так резко кинул машину вниз, что и сами пассажиры не усидели на боковых скамьях, полетали на пол.

Снижались со скоростью урагана – должно быть, метров тридцать в секунду. Грек чувствовал, как от резкого перепада давления в переносицу кто-то изнутри вбивал ему иголки...

Сели-плюхнулись за краем вертолетной площадки. Где-то рядом засиренила «скорая помощь». Абсурд происшедшего держал всех в оцепенении еще минуту. Руку левому летчику бинтовал инженер-снабженец из ДЕЛЬТАНЕФТИ, летевший в Арьяган вместе с Харлампиди.

– Все – вываливаемся. – Правак выбрасывал трап.

5. Падинское

– А здесь вообще черт значит что стало происходить. – Коротко махал рукой Михаил Дерюжный, радуясь возможности списать на форсмажоры все собственные неудачи и недостатки.

Он махал короткой рукой в балке у бурового мастера на 21-ой скважине, одной из нескольких проблемных на Падинском месторождении, которые стояла задача реанимировать.

Падинское открыли и разведали несколько десятков лет назад. Как это нередко случалось в те далекие годы, когда скважину «консервировали», отцы и деды-буровики обошлись с ней покруче, чем если бы ее и вовсе ликвидировали. Накидали, видимо, туда всякого бурового лома, разбитого ловильного инструмента и еще метров на полста выше положенного добавили раствора в цементную пробку, изолировавшую скважину от пластовых флюидов. И для тех, кто спустя много лет повторно вошел в скважину и вызывал ее к жизни, испоганившие ее злые духи земли устраивали сюрприз за сюрпризом.

Но еще хуже было то, что на это ОАО АРБУР ни в чем нельзя было положиться.

– А что стало происходить? – жестко спросил Грек.

Дерюжный был странной фигурой в буровом деле. Однако имел прямой выход на Тихарева. В АРБУРе у него вообще было странное амплуа – «координатор»...

– Ну, во-первых. – Одышливо мельтешил тот. – Вспомни случай по зиме, когда нам нарисовали штраф за то, что мы здесь двести га самозахватом себе прирезали. То статейки пошли – что ДЕЛЬТАНЕФТЬ перекрывает пути миграции оленьих стад. То – что ядовитые все вещества не утилизируем, а в землю засовываем...

– Так то же ДЕЛЬТАНЕФТЬ, не ваша головная боль...

– А мы ваши подрядчики. Как же не наша...

В балок с мороза вошел буровой мастер Шалымов. Огромный и болезненно толстый, он возложил живот на рабочий столик с бумагами и компьютером. Грека всегда впечатлял этот животище, который не могли охватить ни свитер, ни майка. Нижняя его часть оставалась нараспашку при любой погоде.

Грек сердился:

– Вы мне по производству рассказывайте, а не грузите эмоциями. Вы же знаете, что Тихареву эти ведомства – как бабочки... сачком переловит... Лучше скажите – какая проходка за ночь.

– Да ты погодь, Грека. – Придавил его руку к столу Шалымов и тяжело хрипел простуженным басом: – После того как эти ненцы позавчерась попередыхали, как кролики, нам тут два дня житья не давали туристы в погонах...

– ???

– Ну, мильтоны – начиная с участкового и кончая полковником. Какая-то прокурорчиха из Усинска. Орава целая. Работать мешают – туда с ними пойдешь, сюда пойдешь...

– Так что им надо было? Гнали бы... – Разыгрывал полную неосведомленность Грек, а сам тем временем послеживал за Дерюжным краем глаза. Ведь почему-то даже и не заикнулся об этом вчера в телефонном разговоре.

Кислые воспаленные глаза Дерюжного подрагивали в ресницах, а сам он нервно теребил свой приплюснутый широкий нос, словно пытаясь из него вылепить тонкий – с аристократической горбинкой... От природы его нос, видимо, не был таким вмято-курносый и безобразным, а приплюснули ему его где-нибудь в драке. Ясно, что не на ринге, на боксера он никак не тянул характером.

– Дык как прогонишь? – Изношенный дизель бронхов Шалымова тарахтел и дребезжал мелким сипом. – Они и понаехали сюда – как ненцы те передохли все, как кролики... Какая уж тут работа...

И он коряво пересказал содержание трагедии, о которой Харлампида впервые сообщили вчера утром.

– И что же – вы-то когда об этом узнали? – спросил Грек.

– Дык позавчера еще утром. Они еще мимо нас на Арьеган тогда своих возили. Сначала на Толву, а потом на Арьеган...

Грек молча перевел глаза на Дерюжного. Карий – с метисинкой – взгляд Валерия Харлампида мог становиться пронзительней любого – даже и происходящего из голубой или холодно-серой радужной.

– Да когда мне докладывать? – Изображал спокойствие Дерюжный. – Да и забылось как-то...

Чины из органов приезжали дознаваться – не известно ли им чего и не используется ли метиловый спирт в технологических цепях на станке КРС.

– Да если б и было чего – не сказал бы, – дребезжал пробитыми басами буровой мастер.

– А что – есть? – пытливо мигнул Грек.

– А и тебе не скажу. Дык и не могло оно отсюда утечь. – Весомым аргументом навалил живот на хлипкий столик Шалымов.

Что-то уже прояснилось. Из этого разговора стало ясно, что Дерюжный по какой-то причине скрыл то, что в любой подобной ситуации без упоминания не оставил бы, ведь это для него бы был вид «отмазки», способ спрятать огрехи производства за случайные события...

– Жалко, конечно, оленеводов...

– А ночью почему стояли? – Грек заглядывал в буровой журнал одним глазом. – Вы за два дня прошли полметра.

– Дык не дается ж. Мы уж и печать два раза спускали. Там по центру в бетоне какой-то штырь торчит.

Пучеглазый и потный Шалымов, у которого и подбородок-то казался небольшим животиком несоразмерно робко покосился на Дерюжного.

Понял – что у тебя за тормоз, – глазами сказал ему Харлампида.

В это время Дерюжному позвонили, и Шалымов быстренько предложил:

– Ладно, пойдем к ребятам. Посмотришь – что у нас.

Когда оба вышли, оставив Дерюжного у коробки спутникового телефона, Грек неожиданно спросил:

– Слушай, Шалымыч, а ведь этот чум... он ведь от вас и от Толвы тоже недалеко...

– Дык знамо недалече. Они там на толвинской петле стоят.

Да ты их знаешь хорошо. Там еще лесок такой душевный над речкой.

– Это они ж на ДЕЛЬТАНЕФТЬ в прошлом году накатывали. Ну, не сами – а через них. Помнишь, с ними еще телевизионщики какой-то сюжет снимали.

– Ну-ну. – Качнул животом буровой мастер. – Потом по ящику показывали. Ребята видели, когда с вахты воротились. По какому-то центральному каналу показывали. Сам не видел. В общем ДЕЛЬТАНЕФТЬ оленеводству вредит, природу загрязняет... лес под сейсмо-профиля рубит... Про КУЛОЙЛКОМИ небось никто такого не покажет...

– Что ж, значит они...

– Ага... – Кивал буровой мастер, не вполне понимая, почему Харлампида акцентирует.

А что если... – думал Грек, – что если не на ДЕЛЬТАНЕФТЬ это накат... что если наоборот...

Эта догадка, впрочем, потерялась в потоке рабочей информации. Буровой мастер Шалымов был, пожалуй, единственным мужиком в арбуровской шайке-лейке, на которого можно

было положиться. Поэтому все вопросы Грек предпочитал решать с ним. Но так получилось, что между ними где мог почему-то встречал этот «координатор», этот *ненужный Дерюжный*, как звал его про себя Грек. Порождение эпохи и деловой практики Нила Тихарева, которые вот-вот должны были закончиться, чтобы уступить место следующему этапу капиталистического строительства, да все никак не заканчивались...

– Дак что у вас там за ЧП в полете случилось?

– Да обстреляли нас на подлете к Арьегану. Такого здесь вообще никогда не было. Маразм какой-то...

– Ага, не поймешь – то маразм, то терроризм...

Разговор у них шел на ветру за одним из хозяйственных балков. Дерюжный, как договаривался, сразу кинется к площадке буровой за ними. А они пока спокойно тет-а-тет потолкуют.

Шалымов закурил «приму» без фильтра.

– Уходить я хочу, Грека, от них. Ну их на хрен совсем. Пять лет на них здоровье гнобил – а теперь немоготу. И деньги у них есть – а все одно, и нам недоплачивают, и оснастку не покупают. Долота и те все какие-то ворованные в земле крутим. Вот нехорошо тебе как заказчику своих закладывать... а ты спроси – какой шас в пятнадцатой скважине буровой раствор...

– Как какой? – удивился Грек. – Только утяжеленный. И только с превенторами – иначе нельзя. Я же сам верстал программу расконсервации и бурения.

– Да там уже три дня как инженера по растворам не было. То ли запил где, то ли что... Прикинь...

Из-за балка высочил Дерюжный.

– А... вот вы где шушукаетесь... Ты шо, Шалымыч, скидываешь информацию тут втихую? – он ядовито хохотнул. Дыхание у него было смрадное, Грек и предпочитал с ним общаться вне помещения – где мороз перебивал могильный тлен, шедший у того изо рта.

Харлампида хотел сказать ему что-то злое, но сдержался.

Для капремонта скважин АРБУР использовал два старых уралмашевских станка на шасси «урагана» – древнего многоколенного ракетовоза, еще «при Советах» таскавшего межконтиненталки. Один из них сейчас и стоял на скважине № 21 небольшого месторождения, названного Падинским. Все лучшее на нем было заменено изношенным и плохим, поэтому поломки сыпались одна за другой.

Если бы капремонт не был отдан на откуп «левакам» – подрядчикам из АРБУРа – и если бы не были разбазарены буровые активы самой ДЕЛЬТАНЕФТИ, не было бы ни простоев, ни отставаний от планов, а главное – не тратились бы силы на разборки с подрядчиком...

Грек это знал, но вынужден был с этим мириться, потому что знал еще и другое – на чьей стороне Нил Тихарев. Он на стороне своих старых дружков – таких же мордастых, шкафоподобных и приземистых, как сам он, покорителей недр Республики Коми... Покорители недр они, конечно же, в кавычках. Уместнее было бы сказать «гробокопатели». Тоже покорители недр своего рода...

И все же иногда, когда стрелка негодования начинала зашкаливать за десять атмосфер, Валерий Харлампида, начальник отдела бурения и КРС нефтяной компании ДЕЛЬТАНЕФТЬ, взрывался, не думая о последствиях. Случалось, он вступал в открытую ругань с гендиректором – если один на один у того в кабинете. Или протестовал против неразумной практики на производственном совещании – когда при всех.

А в общем такое случалось редко, что его и выручало. Ни безупречная репутация, ни личные заслуги и ни связи не спасли бы, случись ему озвучить свои протесты, когда Тихаревым овладевали драконы гневливости – иногда беспричинной. Тот терпел его взрывы только из показного патриаршего великодушия – выказывая, каким терпимым и великодушным он может быть с подчиненными.

Но Греку, пожалуй, единственному это сходило с рук. Тихарев про себя ценил особое устройство души Валерия Харлампики, в других он не находил оправдания идеализму. Грек и в самом деле сочетал в себе несхожие черты: он был по-мужски тверд и непробиваем в убеждениях, но эта кольчуга была на нем поверх тонкого сукна – его внутреннего благородства.

Чего не знал Валерий Харлампики, как не узнал бы и никто другой, так это того, что Нил Тихарев был своего рода коллекционером человеческих душ. Ему нравилось, что у него в директорате и в числе начальников отделов были люди неординарные – либо в своей неумеренной фактурности, острохарактерные, либо в плане личностной своей реликтовости.

Валерий Харлампики представлялся ему порой неким Ланцелотом, персонажем из рыцарских романов, которые одни он только и читал когда-то. На самом донце тихаревской души угасала мечта о благородном и прекрасном, так и не скомпенсировавшая жестокости и вероломства, которыми была начинена его жизнь в начале-середине девяностых.

Да, у Грека было как минимум полдюжины поводов отmaterить и Дерюжного, и Шалымова, но, единственный из буровиков в крае, он не умел материться. Хотя и умел быть требовательным.

Грек спросил что-то у бурильщика, работавшего на площадке буровой у пульта, потом вернулся к буровому мастеру и «координатору»:

– Поднимай из скважины инструмент. Меняй фрезу. Этот парень заперет обсадную. Или сам становись к пульта.

Мастера разобрала злость. Он сдернул с дымящегося потного затылка самовязную шапочку и хлестко хлопнул ей о колено.

– Дык... ну ты че, начальник? Где же я тебе лучше-то найду? Они с утра до ночи на морозе с трубами валандаются. А сколько они за это имеют – спроси... Где ж лучше взять?

Грек резанул взглядом по рыхлому лицу «координатора», тот стоял в стороне. Потом подвел его за рукав к буровому мастеру.

– Хорошо, тогда вы, Михаил.

Тот отпрянул, высвобождая руку:

– Да вы что, у меня другие функции. Я вообще другим делом...

– То есть, вы не буровик?

– Нет, но я...

– А кто?

– Как кто? Я координатор...

– И что вы координируете? Зачем вы здесь?

Дерюжный отступил еще и набычился:

– Как что... я координи... Да я вообще буду жаловаться на ваше поведение директору. Своему директору, – уточнил он.

– Отлично, – согласился Грек. – Жалуйтесь – хоть в союз художников. Это ваше право.

Шалымов вновь натянул шапочку на слипшийся и все еще дымящийся растительный покров и засеменял за Греком вниз. В этот момент он жмурился от удовольствия.

– Не спеши пока уходить от них, Шалымыч, – кинул через плечо Харлампики. – Тут ведь и у нас что-то перемениться может...

Сверзаясь вниз по лестнице вслед за ним, буровой мастер скрипел сапожищами о железные ступени.

– Дык понял я... оно и до нас тут долетает...

6. Толва

Когда он вернулся в Арьяган, с северо-запада всю уже валила пурга. Плохо, если резко потеплеет. Сразу градусов на сорок. Здесь такое и за ночь может случиться. Что там за ночь – за два часа. Просто удивительно, в какие малодоступные места природа хотела спрятать от всенаходящего гомо сапиенса свои тайны.

А в общем не совсем так. Она поступила иначе. Она поступила, как обольстительница. Как обольстительница, которая сначала соблазнит доступностью, а потом сводит с ума, испытывая силу страсти и подлинность намерений явившихся ее покорить.

Ведь первая нефть сама выходила к людям на поверхность. И они черпали ее из булькающих озер, из древних колодцев, выскребали из земли, в зороастрийском трепете падали ниц перед шипящими и вырывающимися из земного камня факелами газа...

А в наши дни и бурение на нефть там, где от поверхности моря до морского дна километр или два, уже не называют глубоководным... Это обыденность – и бурят уже на глубинах дна в три-четыре километра... И какой путь пройден отраслью всего за полтора столетия – от простейшей желонки до морских платформ, огромных, как фотонные корабли будущего...

Два демона владеют современным человеком. Имя первому – Соблазн, а второму – Средство. Второе – средство удовлетворения первого. Есть еще и третий. Потребность – иное имя Соблазна...

Да, потеплеет сильно. Лишь бы только снег не стоял раньше времени. Много ненужных проблем возникнет. Ага, как это, когда из двух слов одно повторяет другое? Кажется, тавтология. Хорошо, «ненужных» вычеркиваем... хотя проблемы все рано остаются...

В арьяганский офис ДЕЛЬТАНЕФТИ, куда вернулся Грек, тут же примчался на «ниве» усатый и матерый милицкий чин в бушлате. Местные присвоили ему забавную кличку – Усатый Нянь. Беспечно и запросто, словно у них здесь вертолеты как в Чечне или Ираке обстреливают, он расспросил Грека об обстоятельствах инцидента. Кивал.

– Да, летчики говорят, им там то ли шланг, то ли трос перебило. Еще бы немного – и...

– Значит, пуль как минимум две или три попало четко, – предположил Грек. – Так хорошо только охотник попадет.

– Две точно.

– Так что – найдете, кто стрелял?

– Да нашли бы – да тут уже и фээсбэшники стали соваться. Сначала из-за тех делов – ну, с гибелью оленеводов. А теперь вот вас обстреляли. Ждите еще расспросов.

– Ага, – согласился Грек.

Он знал, что по заказу тайного ведомства группа исследователей вот уже несколько месяцев ведет сбор данных по геофизическим и климатическим аномалиям арьяганского района. С ними была пара людей в штатском, обеспечивавшая секретность проводимых исследований. Один из них уже звонил в арьяганский офис, когда Грек гонял на Падинское.

Усатому Няню налили душистого чаю «с бегемотом» и он его шумно и вкусно схлебывал.

– Эти если во вкус войдут, могут и потрепать репутацию вашей ДЕЛЬТАНЕФТИ. Что ваша фирма со своих угодий аборигенов сживает. И со свету...

Это точно, думал Грек, кого другого... а «ведомство» Тихарев вряд ли купил бы. Эти сами сейчас пробуют часть отрасли под себя загрести.

– Твои коллеги, ха-ха. Контора глубокого бурения, – смеялся Нянь.

Тут он проболтался, что едет с одним работником прокуратуры к тому злосчастному чуму, где два дня назад случилась пьянка, унесшая несколько жизней.

– ...Вчера там такая бригада была всяких там в мундирах и без... Аж из столицы самой Ненеции по зимнику прискакали. В общем шухер стоял – только держись. А что ты хошь – туземники. Трагедия малых народов. А мы их, выходит, спаиваем...

Высказывание получилось для заполярной тундры вполне связанное – и даже чуть не по писаному вышло. Усатый Нянь удовлетворенно крякнул, пригласил рыжий ус и стал собираться в дорогу.

– Постой, а ведь это на траверзе бетонки... Тогда я с вами – не против? – предложил Грек. – Двоих из их бригады я хорошо знал, с их дядькой знаком.

Порешав дела в Арьягане, Грек в тот же день планировал отправиться по зимнику на Верхнеужорское месторождение. Но решил не гонять офисный джип понапрасну. Доедет с Нянем до оленеводов (как раз на полпути, в сорока верстах по зимнику и чуть в сторону, хотя можно и с другой стороны – по недостроенной бетонке), а там за ним вышлют машину с Верхнеужорского. А назавтра вернется на вахтовом «урале».

Усатый Нянь был в сомнении – брать или не брать, все-таки дела служебные. Да и среди чинов в погонах начиналось какое-то тайное бухтение на ДЕЛЬТАНЕФТЬ...

– Ладно, поехали, если есть интерес. Только предупреждаю: те, кто остался... они там злые, как собаки. Они хотели хоронить своих, а им не дали. Тела забрали в Нарьян-Мар на судмедэкспертизу.

Грек хорошо знал дядю погибших братьев – Степана Малицына. Был случай: пятнадцать лет назад, когда Валерия Харлампида только учили обращаться с трубным ключом на дальней буровой, они вдруг оказались отсечены от провианта. Стояла непогода и распутица по весне. А Степан Малицын привез им чуть не целую оленью тушу (не спросив за нее ни спиртного, ни бензина). Об одном увестил: у вас здесь техники много, а снег уже сходит... не месите гусеницами тайгу...

Тайгой он называл лески из трех-(не более) метровых местных елок, приникших к речке, вливающей меж холмами – чтобы исчезнуть в ледяных водах между Баренцевым и Карским морями. В этих лесах обитало немыслимое множество всякого зверья – но были и волки, и лоси. В реке же плыли рыбы – холодные, немые и загадочные. А человек веками ходил за стадами оленей – осенью поглубже в материк, а летом к ледовитому морю.

Но появлялся другой человек – homo faber, человек созидающий, покоритель, вооруженный железными руками и ногами, продолжением собственных. Крушил мерзлоту, вбивал в нее сваи, возводил буровые – целые заводы на колесах и гусеницах, ставил в тундре промысловые объекты и поселки.

Этот человек вырубал тайгу, забивал зверя, сливал в реку испражнения машин, – строил и строил, бурил и бурил... и наконец утомленный, слагал об этом стихи, воспевая в них себя и свою любовь к себе самому...

У Степана Малицына не было своих детей, но рано умерший брат оставил ему несколько пацанов и дочь. Зато у него была душа художника – и он воспитал их не просто оленеводами, а дал еще и ремесло: кому резать кость, кому писать картины...

Интересно было слушать его рассказы о жизни ненцев, тут уж пробуждалась и собственная кровь – на четверть ненецкая, на восьмую ли...

Последний раз Грек виделся с ним прошлой осенью, когда тот приезжал «на факторию», так он называл Арьяган.

В сущности малые аборигенные народы, – думал Грек, – это тонкая мембрана между природой как вещью в себе и природой, преодолевающей и отрицающей себя в человеке. У него всегда был какой-то «комплекс вины» перед людьми, подобными Степану Малицыну.

Он правильно сделал, что решил повидать Степана в это тяжелое для него время. Удастся чуть поддержать старика – и то хорошо, а то ведь сопьется или с ума сойдет от этой беды. На кого теперь оленья стада в пять тысяч голов осталось? Кажется, в оленеводческой бригаде была

еще пара-тройка пришлых рабочих, но все равно – все держалось на хозяевах. В колхозе был за старшего Архип, но тот хотел в этом году уходить с этих мест.

До становища ненцев гусеничный «газон» допрыгал за сорок минут. По хорошей дороге он мог лететь со скоростью восемьдесят километров, если не больше, к тому же он легкий и неприхотлив, что особенно ценится в тундре.

Пуржило. Какое-то время они колотили траками лед зимника, построенного ДЕЛЬТА-НЕФТЬЮ. Это была частная промысловая дорога изо льда и снега, стоившая компании больше пяти миллионов долларов. В копеечку обходилось и ее «содержание». (Тоже не обошлось без Отката...) Поэтому чужим гусеничным машинам гонять по ней запрещалось. Но сегодня был повод нарушить этот запрет – обстоятельства чрезвычайные.

Словно не чуя погоды и невеселых мыслей везомых, «газон» радостно скакал по полям и оврагам, потом летел прямо по реке, пыля свеженаметенным снегом. Бойко взлетел на косо-горчик в излучине Толвы и встал между двумя ненецкими чумами – малым и большим.

Никто не вышел встретить гостей – ни хозяева, ни дети, только собака по кличке Жок. Пугающее ощущение пустоты и безлюдья – но нет, над малым чумом курился дымок.

Усатый Нянь откинул полог. Первым вошел молодой работник прокуратуры. Один другому вдогонку бросили в темноту:

– Есть кто? Есть тут кто живой?

Второй вопрос показался Греку кощунственным. Темнота не была абсолютной. В жилище, где положено быть мужской части, горела лампа. Под ней сидел человек и курил трубку. Грек едва признал в нем Степана. На нем была старая малица, хорошо памятная по заплате на рукаве. Все лицо изрыто морщинами, два белых уса свисали, как клыки у старого моржа. В глазах тускло и бессмысленно дрожал огонь лампы.

Прокуратор почему-то решил, что перед ним глухой, и громогласно возвестил:

– Здравствуй, Малицын. Мы специально к вам. Задать еще несколько вопросов. А еще сказать – что тела, которые забирали на Арьеган, чтобы было вскрытие... в общем их отправят в Нарьян-Мар. Для судмедэкспертизы. Это решение правительства Ненецкого округа.

Старик чуть покосился на вошедшего, потом отвел взгляд в сторону. Грека, как тому показалось, он и не заметил.

– Вот и ты пришел, Валерий, – вдруг прохрипел старик. – Садись.

Грек сел на оленьи шкуры рядом со Степаном. Вспомнилось, что где-то на северах так говорят вместо приветствия – *вот ты и пришел...* На милиционера и прокурорского работника не оглянулся. Сесть им предложено не было. Степан заговорил пересохшими прямыми губами:

– Хотел родственников звать. Поминки делать. Правильно, что не позвал. Пока не схоронили – нельзя.

– А где племянница? Ты один? – спросил Грек.

– ...а звать все равно надо... стадо продавать... кому теперь за стадом ходить... Зачем в Нарьян-Мар возить? Глупо.

– Как это глупо... Надо все выяснить. – Вступился за честь власти работник прокуратуры. Подвигал сердитыми бровками.

– А глупо, – повторил Степан, выпыхивая клуб дыма. – Ваши забрали ту пластиковую бутылку, из которой они пили.

– Кто им ее дал? – у Грека вырвался невольный вопрос.

Работник прокуратуры придвинулся к лампе:

– Ну вот что – вопросы здесь пока задаем мы. А этот мы уже задавали ему.

– А где твоя племянница, Степан? Сестра-то ихняя, Дарья? – спросил Нянь. Он уже сидел на корточках, словно зэк – или кто иной, справляющий в поле нужду. Грека всегда раздражало, когда люди садились так.

Степан не слышал вопроса. Его взгляд несколько оживился, и он перевел его на Грека.

– А помнишь, Валерий, ты приезжал раньше – и мы с тобой толковали о жизни. О философии толковали, о жизни...

– О какой еще философии? – негодовал прокуратор, без приглашения включившийся в разговор. Это слово показалось ему невероятным в ненецком чуме.

– А я тебе еще сказки ненецкие рассказывал. А ты говорил – надо записать и напечатать большим тиражом...

Тут в чум вошел водитель нивы-вездехода, которого прислали за Харлампиди с Верхнеужорского.

– погоди. – Степан остановил встающего с оленьих шкур Грека. – За племянницу боюсь. Злая стала. Целый день выла. Потом ушла. Не знаю – что в голове. Пропадет. Если встретишь... Ты ей нравился – красивый. Так и говорила. Она фотографию берегла – как ты оленя смешно ловишь.

– Хорошо. Если встречу.

– А когда хоронить – приезжай на поминки.

– Может, тебе, Степан, в Нарьян-Мар – в профилакторий на пару недель? Подлечился бы? – предложил Грек, покидая чум.

– Не переживай. Я пока не похороню их – сам помирать не буду. А тут весна. А весной помирать не хочу.

7. Майорка

Клим Ксенофонов оказался на Балеарских островах через полгода после автоматной очереди, что унесла жизнь дочери. Метили тогда в него, а попали... Сначала он пытался спрятаться от этой смерти и самого себя в пермской глуши – и уже собрался закрывать дела, чтобы забиться еще дальше... Но процесс этот требовал его присутствия в Москве, затем посещения офшоров – и так он впервые оказался на Майорке, большом красивом острове в Средиземном море.

Этот остров и был теперь ему домом. Не дикий тропический рай на краю света, – рядом Европа, а нужно: сел в самолет – и ты в Москве. С женой его давно уже ничто не связывало – и меньше всего угрызения совести. По контракту, добровольно им подписанному, он должен был выплачивать ей ежемесячно тысячу двести долларов, а сверх этого содержания она и не пыталась ничего отсудить.

Из фондового воротили он обратился в обыкновенного рантье – портфельного инвестора – строго в нефтяные компании, преимущественно в те, что оперировали на самых крупных нефтяных полях России – на сибирских. За ним, впрочем, оставалась небольшая доля в компании, которую он сам когда-то и создавал, – в ДЕЛЬТАНЕФТИ.

Он бы давно ее продал, но не давало чувство древнего родства, что сопрягало землю и тектонику Перми и Коми. Отсюда – с Балеарских островов – все же иногда манило в дикую северную глушь. После его ухода из фондового бизнеса компания здорово потеряла в активах. У нее оттяпали лицензии на разработку двух больших месторождений. Как на слабого щенка – на нее сразу кинулись и КОМИНЕФТЬ, и еще целая свора челюстей поменьше. Если б не это – добывать бы ей миллионов семь тонн нефти в год, а то и больше.

Щенок, которым решили было закусить «белые клыки», все же уцелел. Спрятался в непролазную для крупных собак защелину – и оттуда не скулил, а рычал на них, пока те не отстали. А когда в него в результате непостижимой реинкарнации вселилась душа Нила Тихарева, отъелся, взматерел, обрел клыки, бойцовский дух и готовность к экспансии.

В последний год компания добыла два миллиона восемьсот тысяч тонн нефти и небольшой объем конденсата. А могла бы добывать и продавать вдвое больше. Кто не захотел бы при таких ценах на сырье...

ДЕЛЬТАНЕФТИ – в лице ее акционеров – не терпелось поскорее рассчитаться по кредитам с западным консорциумом банков, во главе которого стоял ЕБРР (Европейский банк реконструкции и развития), чтобы избавиться от своей зависимости в семьсот миллионов долларов.

Клим знал, что компания даже прилагала усилия к досрочному погашению основной части долга. В общем корпорацию одолевало какое-то сложное женское чувство – и сладостно от беременности, и хочется все же родить. Клим с некоторых пор нравилось мыслить в категориях биологических и чувственных о вещах строго рациональных – вообще о бизнесе. В конце концов чувства же, интенции и лежат в основе всех рациональных интересов. *Теория первотолчка*. Это только вначале инстинкт, а чем дальше – тем оно все больше чувство.

Вот и целые корпорации ему могли в сознании являться подобием одушевленных образов. То в виде огромных плотоядных монстров из мезозоя, то в виде исполинской женщины – как в древних мифах первобытных народов.

Так и было, Клим Ксенофонов стал ленивым мечтателем, созерцателем – а в чем-то и провидцем после смерти дочери. Но при этом не утратил и деловой хватки. К тому же в эти годы он вдруг взялся за книги – чего бы с ним, наверное, и не случилось вовсе, не вспоминая он по ночам то страшное утро в Москве.

Жизнь вдруг стала ему являться не изнутри, не в виде запутанной игры, а в каком-то ее невнутреннем стороннем содержании и несобытийном исчислении. Ему уже давно стала казаться невнятной и бессодержательной его святая прежде вера в *право сильного и в первоначальное накопление*.

Ведь вот что случилось: будущее ему когда-то являлось в образе дочери, а когда ее не стало – не стало и будущего. А жить ведь чем-то надо было. Так на могилке дочери и проросло зерно его рефлексии. Раз нет будущего – живи прошлым и настоящим. Так у всех стариков, а смерть дочери тебя и состарила, Клим Ксенофонов.

Климу не случайно думалось о ДЕЛЬТАНЕФТИ. Впавший в рефлексию и отстраненность на Балеарских островах, он само собою как-то стал здешним «русским оракулом» – специалистом по нефтегазовому консалтингу. Когда не думаешь о собственном будущем – этот вакуум легко заполнить мыслями о будущем других...

Вчера у него была встреча с одним из «влиятельных мира сего», вначале просившем предсказать ему нечто, а потом вдруг предложившем неожиданную сделку. Вчера на вилле у Ксенофопова побывал один из высокопоставленных в прошлом функционеров ОПЕК (Организации стран-экспортеров нефти). Когда-то – доверенное лицо шейха Ахмада аль-Фахда аль-Сабаха. Клим сразу назвал его про себя «эmissаром», а его спутника – «референтом». Еще у Клима была информация, что эmissар в последнее время отдалился от организации и занимается чем-то иным.

– Предполагаю, речь пойдет о том, как высокие рыночные цены на сырец потрясли мировую экономику? – Начал с шутки хозяин и продолжил улыбку в жесте, исполненном гостеприимства. Началу марта – а уже стоит жара и уже хочется пляжной экипировки. Только упаси аллах встретить такого гостя не по протоколу – в каких-нибудь шортах и майке.

Клим встречал гостей в легком сером костюме, в белой рубашке и сером же галстуке, заколотом бриллиантом. Он давно уже обходился без переводчика, его английский был довольно сносным, а сам он, когда нужно было, не стеснялся переспрашивать.

Эmissар был приземистым брюнетом с лицом-грушей, вынутой из компота, и маслянисто-оливковым взглядом. Он выбрал самое удобное место на обширном диване зеленой кожи, попытался закинуть одну короткую ляжку на другую – не получилось, переменял ноги и – слава богу – угнезвился.

– Вопросы цен – вечные вопросы. Цены – приоритеты картеля продавцов, на который я когда-то работал. Но сейчас я свободный человек – примерно как вы.

– ?

– Все мировые эксперты и аналитические центры сходятся во мнении, что высокие цены последнего года...

– Пожалуй, сверхвысокие... – заметил Клим. Медленный темп речи эmissара как бы оставлял паузы для вставок собеседнику.

– ... последнего года не ввергли мировую экономику в стагнацию.

– Так что же привело вас ко мне, простому эмигранту из России?

– Что привело? – переспросил араб, навинчивая невидимой вилкой из воздуха спагетти. – А привело нечто иное. Россия меняется...

– Ну что вы... не так резко, как может показаться...

– ... она все более утверждает себя. Арабский мир это приветствует и по политическим, и по экономическим причинам. Но резкие перемены пугают. Ваш новый министр природных ресурсов вызывает вопросы и у нефтеэкспортирующего сообщества, и у операторов, действующих на территории СНГ... Я говорю о последних заявлениях русского министра...

Клим медлил, первым его побуждением было выдумать отказ или поверхностный комментарий. Ему вообще было непонятно – какого шайтана этот депьюти-шейх, располагающий

мощными разведывательными и аналитическими структурами, вдруг обратился к нему как эксперту.

Был ранний вечер. Солнце, словно розовый фламинго, медленно спускалось к большому водоему – Средиземному морю. В этот час в его лучах предметы мебели в гостиной пламенили, розовели и золотились лаком, никелем, стеклом и позолотой. Что отчасти парализовывало зрение и рассудок его визитеров. Клим и предлагал это время для визитов.

– Я слышал об этом. Знаю не больше вашего, но иностранным владельцам не стоит пугаться...

Эмиссар кивнул перебивая:

– Да, именно. Для всех по-прежнему актуален вопрос – сколько подлинного и сколько мнимого в патриотизме московского президента.

– Они просто решили немного упорядочить правила игры. Чтобы лучше отслеживать вещи. Теперь внешним компаниям нужно будет открывать в России свои дочерние структуры, представительства, чтобы владеть и управлять активами через них. Поверьте, они никого не хотят разорить... А кому нужно – будет проворачивать свои дела в России как прежде.

– Возможно. – Араб почесал себе ляжку. – Возможно, это еще и имиджевый продукт, рассчитанный на внутреннее потребление. Скоро выборы, и президент-патриот говорит своему народу: контрольный пакет сырьевых компаний должен всегда оставаться в России...

– Номинальные владельцы могут быть внешне российскими, а за ними может быть кто угодно.

– Мы так и думали. – Склонил голову референт эмиссара. Или все же не референт... Возможно, английский Клима недостаточно хорош, и он толком не расслышал, когда тот назывался. Или это плох английский референта... что-то ускользаемо знакомое было в его кивке...

Масляноглазый араб словно спохватился, приметив сомнения Клима:

– Я не совсем полно представил вам моего друга. Помимо прочего он представляет интересы компаний, разрабатывающих шельфы в каспийском регионе. Он сам кавказец...

Второй – среднего роста и возраста, худой и с залысинами. Кажется, не араб. Скорее кавказец. Арабы в общем тоже бывают всякие, но этот... у этого взгляд какой-то... Худой держал в руке журнал *Platt's Crude Oil Marketwire* – издание, где публикуются мировые цены на нефть. Но ведь по роже видно, что этот тип не углеводами торгует... что-то не так...

Чтобы рассеять сомнения, Клим улыбнулся и запустил бумеранг в виде догадки:

– Значит, он не совсем ОПЕК?

Масла в глазах у араба стало больше:

– Но и я ведь давно уже не ОПЕК.

Клим расхохотался:

– Мы все не совсем те, за кого себя выдаем. Мы все ли-це-ме-рим (*с трудом выговаривая английское слово*), когда нам это нужно... В общем мировому сообществу не стоит бить тревогу. Думаю, даже более того – оно и надавило на российское правительство, чтобы те лучше вели учет.

– Да, теперь мир все хочет прогнозировать, все знать наперед. Он строит экономические модели глобального развития на десятилетия вперед...

– Но в какой связи все это вас волнует? – Клим акцентировал вопрос – жилисто развел руками, демонстрируя всю неохватность намерений глобально-экономических систем.

– Все просто. Мы хотим купить долю в одной русской нефтяной компании. В небольшой.

– Но в какой же? – заинтересовался Клим.

– В компании ДЕЛЬТАНЕФТЬ, – невозмутимо прояснил араб.

Пауза.

– Но у кого?

– У вас, – сказал референт, дотоле молчавший, и Климу в тот момент показалось, что тому было легче сказать это по-русски...

8. Толва

Анна открывала дверь своего рабочего кабинета, когда за спиной у нее послышались чьи-то мягкие шаги. Должно быть, ненцы. Наши-то, придя с улицы, стали бы стучать валенками и унтами – избавляться от снега. Но если ненцы... сюда и в это время... то только к ней. Пять минут назад ей позвонил диспетчер: ей нужно спуститься в медпункт для оказания медицинской помощи.

В коридор входили двое в малицах – национальных оленьих тулупчиках.

– Доктор, помощи, братка помирает. – Один из вошедших откинул башлык.

Когда эти двое и еще один оленевод втащили четвертого, Анна ахнула: в том не было и последних признаков жизни – большое синюшное лицо монголоида застывало в прощальном испуге...

– На кушетку его! Рассказывайте, – потребовала Анна.

– Пил много, доктор, – сказал один из ненцев. – Помоги ему, доктор.

– Много – это сколько? – Серdito покосилась она, вспоминая, что и где в медпункте припасено против алкогольной интоксикации.

Другой ненец – постарше и авторитетнее, тяжело опустился на стул:

– Месяц водку пил. Больше. Много пил, еще в январе пить начал. У него ящик водки был – весь выпил. Потом не пил – бросил. Потом снова пил.

Кажется, без сознания. Пульс нитевидный, частый, потом исчезал. Или ей это только казалось – и пульса нет вообще. С дыханием тоже неясно. Кажется, этот тип на пороге клинической смерти...

Пока она готовила инъекции, ненцы ей рассказали, что они с ближней стоянки – в тридцати километрах к северо-западу от Толвинской базы.

– А сами с ним пили?

– Не, – поспешил уверить ее авторитетный. – Не пили. Иногда только. Маленько. Ругали мы его – не пей, дурак, работа стоит... баба от тебя ушла...

Анна лихорадочно – волевым усилием – вспоминала нужное из клинической психиатрии и кардиологии. Ну и какие же у нас признаки? Она подтянула нижнее веко – чтобы заглянуть в зрачок ненцу. Глаз был невидящий, упитой, да и других рефлексов маловато. Нелепо пытаться определить степень интоксикации, и так ясно – она предельная...

Анна волновалась. Жизнь этого несчастного сейчас всецело зависела от ее профессионализма.

– Почему же раньше-то не привезли? – Она повторно и отчаянно пыталась нащупать пульс – и не находила.

Молчание. Виноватое потаптывание и сопение. Что – что там есть у нее, чтобы вернуть этого чертова мужика к жизни? Отлично – есть глюкоза... сейчас она приготовит раствор пиридоксина... Потом физрастворы – это есть, но это потом... Нужно главное – ага, есть камфора и, кажется, кордиамин... Или нет его?

Анна попросила одного из мужиков набрать номер диспетчера – отыскать толстушку-фельдшерицу. Но трубку, сказал оленевод, не подняли, а сама она, подумалось Анне, поди, убежала на флирт на другой конец толвинского поселка, где квартировала какая-то фирма, название которой начиналось с упоминания города – *АРХАНГЕЛЬСК-какая-то-УФО-ЛОГИЯ* или что-то подобное...

Злая на себя за то, что дрожали руки (да на виду ж у ненцев), наполнила шприц камфарой и стала закатывать рукав малицы на этом парне. Его имя она уже знала – Михаил, их младший брат. Задубевший рукав не закатывался – тогда она потребовала, чтобы остальные

двое (третьего вообще изгнали в коридор, чтоб не мешался) стащили с него верхнюю одежду. Братья стали неуклюже стаскивать, замешкались...

Анна озлилась на них:

– Уйдите.

Подхватила остро отточенными ножницами край рукава – и вжик, как по маслу, резанула рукав до плеча. Потом были долгие поиски вены. Подкачать бы... поднатужься, дружок... но лежавший не услышал бы и ее крика – не то что внутреннего голоса.

Да не забыть бы потом спазмолитик вколоть... есть аминазин, слава богу, а потом уж физраствор...

В медпункт вместе с дверью влетела фельдшерица Татьяна. Стала многословно кудачать-извиняться, но Анна это пресекла злым окриком. Жестом показала на инструменты – готовь капельницу.

С ее приходом один из братьев глупо заулыбался. Видимо, думал, что теперь его брата точно «откачают», раз этим озабочены уже два медработника...

После инъекции кордиамина прошло уже две минуты, в течение которых Анна успела впрыснуть Михаилу подкожно аминазина и вместе с Татьяной теперь ставила капельницу... И вдруг почувствовала спиной, как в крошечный их медпункт вместе со сквозняками из двери вполз Дух Смерти...

Снова приоткрыла глаз лежавшему – там было пусто. Дыхания не было. Не было и пульса.

– Татьяна, адреналин!

– Что – в сердце, Анна Юрьевна? Да у нас его и нет...

Потом она делала искусственный массаж сердца – за ней Татьяна, поочередно... Потом один из братьев. Выдохлись, не смогли...

– Он умер, – констатировала после долгой паузы Анна.

– Как умер? Он маленько живой еще... Младший брат не должен раньше меня. – Второй подскочил к умершему и стал его остервенело тормошить. Потом повернулся к Анне и заорал на нее благим матом: – Плохой доктор. Брат не должен был...

Он едва не кинулся на нее с кулаками, но в этот момент в медпункт вошел еще один оленевод – крупный метис. Председатель оленеводческого колхоза, назвался Архипом. Приехал с другого стойбища, вызвали по рации. Стал кричать на своих, те отбрехивались – дескать, у Михаила «белая горячка» еще неделю назад началась, что «глючило» его уже между выпивками...

Еще через четверть часа появился участковый уполномоченный. Сказал, что остался в ночь на Толве по случайности. Это был высокий русак с пышными усами. Стал составлять протокол о случившемся.

Один из ненцев перед уходом попросил у нее чего-нибудь успокоительного. Это настояло Анну. В глазах у него затаилась сильная боль, которую он по-мужски пытался скрыть.

Когда все ушли, забрав с собой тело, Анна погрузилась в тяжелый ступор. Удивительно: пожалуй, только ее одну – доктора, навидавшегося трупов еще в анатомичке, – да старшего брата только и потрясла смерть этого человека, Михаила Малицына. Не смогла вернуть к жизни, а ведь хотела, очень хотела. Вот выполз бы оттуда – и пить бы бросил. А могла ли? Что не так сделала?

Когда Татьяна ушла, Анна закрылась в кабинете на крючок и разрыдалась...

А вдруг не водка была? Вдруг что-то другое...

Знай она в тот момент, что кошмар этот повторится той же ночью, не стала бы прокручивать его в себе снова и снова в поисках собственной вины...

В начале первого ночи ее разбудил стук в дверь. Опять они, – решила Анна. И точно...

Теперь уже привезли Мирона Малицына – того, что кричал на нее накануне. Сам он был в сознании, но жаловался на острую боль в сердце, удушье и сердцебиение. Охал.

– Так вы пили с ним или нет? Отвечайте! – Она буквально пригвоздила его вопросом. Ничего-ничего, лишний укол тебе психику не разрушит. Анна мыла руки. Хорошо еще, что удержалась от второго укола: что же вы снова – к плохому доктору?

И все же – а вдруг не водка, не этиловый? Вдруг эти несчастные проглотили что-то покруче? А ведь точно с ним вместе пили – только хотели это скрыть. Да, расстройство сознания, некоординированные движения, отрывистая речь – невнятная. Кажется, тяжелая депрессия. И все же он почти в спортивной форме по сравнению с тем, в каком виде привезли сюда его брата. Да, все вместе: и депрессия, и испуг, и боли... Со зрением, говорит, еще что-то, в глазах темно бывает...

Говорит, что лучше б сам вместо брата подох... Суицидальное... Но тебя-то я обязательно вытащу, – дала зарок Анна и тут же снова усомнилась: а как тут вытащишь – если они чего не гоже наглогались...

– Ну-ка без истерики – ты же мужик. Приспусти штаны. – Анна «шлепнула» ему в «пятую точку» аминазина. Неправильно, сначала нужно было сердце подпитать. Ничего страшного... ну вот – теперь и глюкозы получил в вену... Надо было все же разбудить Татьяну – все-таки свидетель не помешал бы, история непонятная... хорошо еще, что парень из охраны пришел, так спокойнее.

Маленькая мордочка Мирона чуть повеселела:

– Мне теперь маленько лучше.

Он жестом показал двум своим спутникам, чтобы шли готовить снегоход.

– Стоп, Мирон Малицын. – Она заступила ему дорогу, тряся бутылкой с физиологическим раствором. – Никуда вы не пойдете, пока не волью вам вот это...

Но тот лисой юркнул к двери и оттуда махнул рукой:

– Нет, теперь хорошо. Это я за брата переживал, доктор. Плохо помирал.

На дворе негромко реванул вездеход – и снова тишина. Нет, не тишина. Тишиной она уже называла мерный гул и перестук дизелей на дворе, давно ждавших тепла... некоторые – чтобы остановиться и рассыпаться... Анна взглянула на термометр за окном: -37 по Цельсию. Странно, она ведь на часы хотела взглянуть...

Что это было – видение ночи?

Анна достала пачку сигарет и закурила вторую за эти пять месяцев сигарету. Первую она выкурила второго января... Попыталась связаться с медиками в Арьегане – не получилось.

Страшная ночь. На ее исходе бригадир оленеводов привез на Толву еще одного – Николу. Тот жаловался на сильную головную боль и просил замерить кровяное давление. От него Анна узнала, что водку они пили в субботу днем. Ее привезли двое с Ижмы, соседнего хуторка в тундре, и пили ее все вместе. Давление, показалось ей, было в норме. Впрочем, она могла и ошибиться... действовала в полудреме...

Потом она поспала пару часов, а в семь подскочила от звонка будильника. Будильник у нее был злющий и осечек не делал. Вяло добрела до столовой, завтракала без аппетита, невпопад отвечала директору «СевНАОгеофизики» о событиях ночи.

В 08.15 Анне Тушиной сообщили, что местные везут на Арьеган еще одного больного. И уже знали кого – Егора Малицына. Анне удалось связаться с доктором компании ТОТАЛЬ в Арьегане и проинформировать о случившемся накануне ночью. Взяла дежурный джип и отправилась туда сама. К ее прибытию Егор Малицын был уже мертв.

– Метиленчик, – почти насмешливо и как бы в утешение ей сказал арьеганский эскулап. – По нюху – почти тот же спирт. Пятьдесят граммов – и свободен, полная деструкция. Сами знаете, коллега.

– Не знаю, не пробовала.

Вечером стало известно о смерти еще двух ненцев – из тех, что приезжали ночью... и еще двух – на Ижме...

Весь вечер и всю следующую ночь она тихо проплакала. Она оплакивала и смерть ненцев в тундре, и гибель мужа в далекой и ненужной Африке, и собственное одиночество, пославшее ее мыкать беды в это белое безмолвие. В день смеха первого апреля ей уже плакать не хотелось, потому что слезы уже были выплаканы и где-то за вахтой вместо нее собачьим страшным воем был кобель, которому колесом отдалило задние лапы. Потом затих – нашелся добрый человек, отвез на санках в лес поближе к Толве и пристрелил.

9. Москва

Испытав потрясение после встречи с Вацлавом Дубом, Нил Тихарев взял себя в руки – не дай бог раскиснуть и тем паче на людях. Слишком долго проторчал в Москве – забродили мозги. В Москве у него были запланированы еще две встречи по продажам, хотя и с оговоркой – он сам их запланировал. И пусть это будет неожиданностью для Шварца.

– Ну что ж, Семен, останусь я еще, пожалуй на денек в Москве. Послезавтра вылечу.

Тот напрягся:

– А что так, Нил Станиславич? Есть дела?

– А раз у тебя они есть, значит и у меня найдутся. – Тихарев хитро прищурился, почмокал толстыми губами. Со стороны порой казалось, он косоглазил. Но этот эффект происходил от самого строения его лица. Глаза у него были поставлены так широко, что казалось – существуют сами по себе. И свободно вращаются в разные стороны и во всех плоскостях, почти как у хамелеона.

Ого, – сообразил Шварц, – да этот пожилой хулиган, кажется, решил меня проконтролировать. Попытаться отговорить? Не надо – тем упорнее ему захочется присутствовать на встрече с покупателем из Германии.

– Отлично, значит я связываюсь со швейцарцем и говорю, что встреча пройдет в тройном формате – вы, я и он...

– Да не надо, Семен. Чего зря беспокоить. Пусть это будет сюрпризом для старика.

По статусу Шварц как торговый директор мог самостоятельно подписывать ежегодные продления – дополнения к генеральному контракту на продажи нефти. Как, впрочем, и многие другие коммерческие документы. В иных между тем фигурировали суммы в сотни миллионов долларов.

Драконы подозрений давно уже устроились в сырой и глубокой пещере, какой и была душа Нила Тихарева. Этому Шварцу доверять нельзя – и тем менее, что был он не его креатурой, не тихаревской. Его к нему втиснули те акционеры, которые изначально пытались свести роль гендиректора Тихарева к чисто номинальной и технической. Значит отсюда тоже можно ожидать удара, когда начнет сбываться худшее.

– Ты всех убеждаешь, что прям кум и сват ТРАНСНЕФТИ, – Нил начал с подковырки, усаживаясь за стол отобедать. Обед был заказан в офис из ресторана.

Шварц простецки отмахнулся:

– Да брось ты, Нил Станиславич. Никого я не убеждаю. Но выходы на него есть – все ж он мой тезка. Что мы все о работе – давай о женщинах или о футболе... Кстати, гороховый супчик – твой любимый.

Но о бабах Тихареву не хотелось, да и что их обсуждать – бабы они и есть бабы. Они и в Африке бабы – и даже горячее и глаже. Нет, брат Сеня Шварц, тезоименитый руководителю ТРАНСНЕФТИ, всероссийской нефтяной трубы, музыку и разговор пока еще заказываю я.

– А мне все чего-то, Семен, не верится. Не видно сдвигов-то, а обещаний было много...

Он любил сказать Шварцу этак многосмысленно, с отточием. Все хотелось его в замешательство вогнать – хотя бы легкое. Или чтоб как уж под вилами завертелся... А не получалось. Это и злило Тихарева.

Тихарев и не догадывался, что Шварц был в эпицентре тайфуна, который должен был смести его мечту о тропическом архипелаге. Если и есть что-то, – думал Нил, – то парень где – то на обочине, на периферии возможных инсинуаций.

И еще была причина для ревности. Тот был гораздо ближе к покупателям, чем сам он, гендиректор ДЕЛЬТАНЕФТИ. Блестящее внешторговое прошлое, отличное владение английским, весь в связях, как в шелках, да и вообще неплохая общая намыленность. У всех тут на

виду в Москве и на слуху. А сам он, Нил Тихарев, скользнет раз в месяц или два по высоким кабинетам – и снова в свою тьмутаракань...

– Нет, останусь еще на денек. Давно с твоим швейцарцем не виделся.

– Думаю, он тоже будет рад встрече с вами.

Ну что за черт, что за человечина... ведь сидит и тихо режет меня на кусочки, а в глазах – собачья нежность. А почувствует силу – так весь свой антагонизм обрезанный сполна выкажет.

Швейцарцем оба они звали Говарда Гектора Гордона Вэнса, представлявшего интересы одного из трех главных экспортных покупателей ДЕЛЬТАНЕФТИ. Сама фирма называлась DEDAL, была зарегистрирована в юрисдикции Швейцарии, а штаб-квартира ее находилась в Германии. На нее приходилась треть экспортных поставок ДЕЛЬТАНЕФТИ. Она имела мощное лобби в России и вела дела и с более крупными продавцами сырка.

Вообще коммерческая дистрибуция когда-то изначально сложилась без участия Нила Тихарева. На экспорт уходило примерно 65 процентов продукции (почти в пропорции с общероссийскими показателями). Основными покупателями были All Trading Ltd. (Голландия), DEDAL и NMNA (в Польше – с регистрацией на о-ве Мэн, Великобритания).

Среднемесячно на терминалах налива (это могли быть Бутинге [Литва], Вентспилс [Латвия], Фешлитке [Венгрия], Буковцы [Словакия], Адамова Застава [Польша], – и прочие: Мажейку, Новороссийск, Приморск, Одесса) DEDAL'у отгружалось в среднем 30 тысяч тонн нефти в месяц. All Trading забирал львиную часть: 60–65 тысяч. NMNA (полякам-англичанам, неотъемлемой частью которых был и Вацлав Дуб) уходило в среднем 32–35 тысяч тонн. Около 20 тысяч тонн уходило в Белоруссию по относительно низкой цене в 170 долларов за тонну. (Тихарев до сих пор не мог понять, почему этой All Trading Ltd. застолбили в России такую монополию, что она почему-то контролировала еще и более трети внутренних продаж). В три адреса по стране отправлялось примерно по 40, 20 и 30 тысяч тонн. Плюс 10 тысяч тонн – на Украину. Остальную долю российских поставок забирали фирмы «Омега-Нафта» и (совсем немного) «Нефтефиз».

Нил Тихарев путался во всем этом паучьем переплетении потоков. Как путался и в условиях нефтяного маркетинга вообще – во всей его казуистике, которую он и осилил бы, кабы время было на это...

Кто бы, например, объяснил – почему, по условиям торговых соглашений *«окончательная цена нефти на экспорт определяется в течение трех рабочих дней после месяца поставки по каждой прокачке...»*

Почему *«сумма услуг таможенного брокера определяется после 20-го числа, следующего за месяцем прокачки...»*

И почему *«сумма агентского вознаграждения ТРАНСНЕФТИ становится известной после 10-го числа следующего месяца...»*

Его, впрочем, давно уже проинформировали: так надо, парень, и не вникай – у тебя другая задача. И вообще – это игра с другими правилами, в нее играют люди не глупее твоего, а ты всего лишь глава компании-оператора, которая производит меньше одной сотой всей нефти России... или одну тысячную всей энергетической величины планеты... И даже сверх-вообще: о планете-то как раз говорить и уместно, потому что уже нет ничего в этой отрасли, что не управлялось бы в планетарном масштабе...

Однако соразмерив себя с масштабами планеты, Нил всякий раз преисполнялся уважения к себе. Нет, надо пока не поздно попытаться подчинить деятельность маркетинговой службы. И сделать это так, чтобы его амбиции в этом деле никому не лезли в глаз.

Для этого Нил Тихарев придумал следующий ход: теперь все стратегические бюджетные вопросы и по всем отделам будут подтверждаться и корректироваться ежемесячно. На собраниях Совета директоров. Те из его, Тихарева, ребят-директоров, у кого голова посвежее, воленс-ноленс полезут и к Шварцу с расспросами, будут санкционировать не только крупные

приобретения, но и косвенно продажи. Вот и станешь ты, Сеня Шварц, пополиткорректнее, так сказать, гы-гы-гы...

Нет, пожалуй, этот полячек все же ничего не имел в виду. Равновесие души помалу возвращалось к Нилу Тихареву. А исчерпав тарелку горохового со свиными ребрышками, Нил ощутил ту абсолютную внутриутробную статичность, обретение которой и было назначением бытия.

Впрочем, в последнее время появилась еще одна тема, которая была способна поколебать эту безмятежность. Это знал и Шварц.

– Подавать рагу? – спросила секретарша.

Нил кивнул, не глядя в ее сторону. Нечего отвлекаться от дум, на эти московские дерзкие попки засматриваться. Да оно и не дефицит по нынешним временам.

– А помнишь, неделю назад я просил, чтоб ты релиз по СМИ сделал? Твоим ведь отсюда видней – из Москвы-то. Какой у нас имидж?

Шварц пожелал бы уклониться от темы. У него был принцип: от Семена Шварца – только хорошие вести. Он набрал три цифры по внутреннему телефону, попросил:

– Зайди.

Вошла сотрудница, которую Тихарев давно уже окрестил про себя Вундеркиндом. Классический очкарик, только в юбке. Но юбку носить не любит. Просто знала, что Тихарев глубоко презирает всех, кто неверно себя позиционирует в половом вопросе. При ее появлении гендиректор поморщился. Да уж, прогнило что-то в Королевстве Датском... смешалось что-то в ж... у Облонских...

Вундеркинд ядовито затараторила:

– Если не считать наших заказных статей в региональной печати, то наш имидж как нефтяной компании скорее в минусе, чем в плюсе. Две недели тому назад на ЦТ прошел короткометражный фильм о плохой экологии на нефтепромысловых объектах ДЕЛЬТАНЕФТИ...

– Ну, не увлекайтесь, Галина, – спохватился Шварц. – Не преувеличивайте. Я видел этот фильм. Там было не только о нашей компании, там вообще о северах.

Тихареву показалось – ту замечание шефа кольнуло. Из ее бронхиальной щели стали вырываться пары иприта, как у ведущей «Слабого звена» на телевидении:

– Я видела свою задачу в том, чтобы рассказать правду. Какой у нас сегодня имидж... Три дня назад газета «Время вестей» дала дайджест о том, что у нас... *смелые схемы ухода от налогов...*

Цитату она отчеканила с предельной химической активностью в голосе. Кажется, у Шварца не все гладко с помощницей. Взять на заметку... Что ж – может, вовсе не такая плохая девчонка, и фиг с ней, с этой ориентацией. Та продолжала:

– ... мы уже работаем по автору. Нехорошая статья прошла в англоязычной New Moscow...

– Это уж вообще непонятно, – вставил Шварц, демонстрируя руками наив.

– Не уверена, дано ли мне как аналитику комментировать...

– Дано, дано, милая. – Кивнул Тихарев.

– ...но думаю, с этим связано и временное падение котировок на бирже.

– Стоп. – Тихарев поднял руку. В конце концов у него и своя структурка есть, которая ему все анализирует. – На мозоль не дави. Это мы разберемся. В другом месте. Говори – что еще там печатают... эти развездия...

– Думаю, сэкономлю ваше время, Нил Станиславович, если скажу: баланс не в пользу ДЕЛЬТАНЕФТИ. На поверхности все может выглядеть незначительным, но накопление негатива может вызвать кумулятивный эффект. В интернете пошли сообщения об отравленных оленеводах. А главное – сейчас пока трудно определить общий источник этих публикаций. Но мы работаем...

– Мы тоже не сидим. – Тихарев косо прищурился.

Что он имел в виду? Легкая напряженность, поблуждав по тугому лицу Шварца слабыми токами, тут же исчезла. Ассистентша была уже год в его команде, и со временем он, безусловно, будет посвящать ее в «тайны двора», но не сейчас. Впрочем, понятлива и связана с ним, Шварцем, родственными отношениями. Ей хватило и намека – «особо не усердствуй» – чтобы понять, в какие моменты подпрыгивать абы не оказаться между молотом и наковальней. Мнимо независима от шефа – и Тихарев, кажется, уже строит в башке свою какую-то корявенькую схемку...

Она ушла, двое мужчин закончили трапезу, и Шварц сказал – синкопируя и прихотливо смещая акценты, путая «ты» и «вы»:

– Ну, а по тем нашим делам, которые вы предлагаете – чтоб директора ежемесячно по бюджету... Разумно и правильно, но, Нил Станиславич, ты пойми, я-то здесь один у себя сижу – в отрыве от вас, один на один с рыночными ценами, которые скачут, как бешеные, туда-сюда...

– И что? – Щурился Тихарев.

– Да то, что за день эти цены могут процентов на пятнадцать пролететь... всякое в торговле сырцом...

– И что?

– Ну как что – я не могу зависеть от месячных собраний... мне оперативность нужна – принимать решения...

– Ну, и принимай пока. – Лучился и добрился на него Нил Тихарев, поднимаясь из-за стола в сытости. А про себя прикидывал: если меня турнут с позором, а разведка подтвердит, что за тобой неладное, Сеня Шварц, то валяться тебе в крови с контрольным в голову. Как в старые добрые времена... уж не знаю – добрые ли...

Нил Тихарев спешил на встречу с Бариновым, своим человеком в Минприроды и Роснедрах. Тот обещал ему сюрприз – только и глазком, гад, не намекнул, что он за сюрприз такой будет.

Ну ничего, вечер у него свободен, и завтрашний день, кажется, обещает быть без напрягов – но познавательным. А сегодня он зальет себе в скважину раствор на спиртовой основе... брр-р – только бы не тот, которого нахлебались те аборигены...

И вовсе не причуды и не прихоти-похоти ради он потискал вопросами этого Вундеркинда, эту «шварц-ассистентку». Он еще в прошлом году озаботился общественным имиджем ДЕЛЬТАНЕФТИ – когда кому-то захотелось поссорить его с Госэкоэкспертизой и заслать бригаду телесъемщиков к этим чумовым оленеводам...

У него и в Усинске была надежная схема слежения за происходящим. В лице – но прежде всего в глазах и ушах – начальника службы режима и контроля Тофика Мамедова. (Только двойной контроль – надежный контроль). Этот мониторил все подряд – от досье и высказываний служащих до сообщений в СМИ.

Двойным же оказался и сюрприз от Баринова. Уже не вспомнить, как оно случилось впервые, и теперь уже стало традицией, что примерно раз в три года Сашка Баринов знакомил его с какой-нибудь шикарной московской субреткой.

Вот и сегодня – по мягкости интонаций, сочившихся в мобильную трубку, Нил Тихарев запредвкушал роскошный вечер и восторженную ночь.

– Встречаемся без четверти шесть у Кутафьей башни...

– Где – где? Ты что – меня в Кремль потащишь? Что я там забыл? – Терялся в резонах Тихарев, но Баринов уже отключился.

Ровно в назначенное время из облепленной пушистым снегом полумглы – со стороны площади Лужкова-Церетели – выплыл Сашка Баринов с брюнеткой в сочном теле и мехах. Представил – Оля. Чресла гендиректора окатило мелкой дрожью.

В иные дни и в нужных обстоятельствах этот плут умел казаться невзрачным и даже невысоким. Сущий акакий акакиевич. Но раз – и преобразится в повесу, в сутенера, в рубаху-мужика, во что угодно – особенно при дамах. Талантище – и только. И как чиновник неоценим – в том смысле, что иногда за содействие «цены сам просил немалые...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.